

МАРИНА ЛЕДОВСКАЯ

КРЫЛЬЯ
В саду же

18+

Марина Ледовская

Крылья в багаже. Книга вторая

«Автор»

2017

Ледовская М. В.

Крылья в багаже. Книга вторая / М. В. Ледовская — «Автор»,
2017

Продолжение романа «Я тебе посылаю любовь». Обычно все романтические истории заканчиваются объяснением в любви или свадьбой. Но как часто нам хочется узнать – а что же было дальше? Что случилось с героями, сумели ли они сохранить свои чувства, не пожалели о том, что связали жизнь друг с другом, а может, любовь между ними стала сильнее? Роман «Крылья в багаже» является тем самым продолжением историй любви между Николаем и Надеждой, между Вадимом и Викторией, тем, что их ждет, что придется преодолеть, испытать, найти, даже потерять. Читателя ждет увлекательное путешествие вместе с героями на Сейшельские острова, зимние вечера в полюбившемся Беяниново и даже путешествие во времени. А почему бы и нет? Ведь, несмотря на кажущиеся изменения, вечными остаются настоящие ценности – доброта, отвага, нежность, дружба и, наконец, любовь.

© Ледовская М. В., 2017

© Автор, 2017

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

49

Марина Ледовская

Крылья в багаже. Книга вторая

Пролог

В году 1200 по рождеству Христову случилось в селе Дивееве чудо превеликое и престрашное. Месяца сенозорника, сиречь июля, 26-го дня собирал на закате солнца отрок Ясень, крещеный Варфоломеем, целебные травы на Кудрявой горе. И вдруг видит: шествует мимо дуба, сожженного молнией, женщина в белом одеянье, кое шито золотом, и в короне золотой. В одной руке держала она цветы диковинные, бледные, яко из воска, а в другой – косу с серебряным набалдашником. И так страшно стало отроку Ясеню, что на малое время обмер он и разумения лишился, а когда пришел в себя, кинулся со всех ног в родное Дивеево, поведал отцу-матери об увиденном.

– Ты, Ясень, мастер известный страшные сказки плести, – сказал отец. – Знай ври, да не завирайся.

И тут послышался с печи голос прадеда Родомысла, в святом крещении Антипа. Отмерил он уже сотню лет с гаком, три года лежал на печи обезноженный, но разумом был светел.

– Да не врет малец, слышите? Беда нагрянула. Нынче какой год? Високосный, вдобавок, говорят звездочтецы, веку-столетию конец. Вот и грядет к нам Марана злобная – всех выкосит в одночасье. Такое уже случалось, когда я сам пребывал в отрочестве.

– Ох, ох, Сварог всемилостивый и ты, Господь-Спаситель, за что наказуете?! – завывала мать.

– Ну-ка, снимите меня с печи! – скомандовал прадед, и когда посадили его на лавку, сказал: – Ты, внучек, коня буланого из конюшни выводи. Посадишь меня верхом, ноги к стременам привяжешь, дабы не упал, дашь мне лук боевой и колчан со стрелами. Ты, баба, беги по деревне, вели людям выскакивать из домов и на траву падать пластом, будто мертвецы, сраженные в одночасье молнией. А ты, Ясень, как завидишь опять Марану, начинай рыдать и укорять Перуна за убиение невинных людишек. Живо! Мешкать некогда!

Через некоторое время, завидев Марану в конце села, залился отрок Ясень горькими слезами, принялся громко стенать и грозить небесам кулаком:

– Всегрозный Перун! За что людей невинных смертию лютой от стрел своих наказал? Зачем бесчинствуешь?!

Посмотрела Марана в недоумении на поверженных людей, к отроку приблизилась, в глаза ему заглянула мертвыми своими очами – да и прошествовала к реке, а потом в осиннике за рекою сокрылась, верша свой путь неведомо куда.

По просшествии еще некоторого времени начали люди подниматься с травы, благодаря Сварога, Сварожичей и Христа-Спасителя, что не допустили безвременной смерти всего селения. А мужики вместе с отроком Ясенем пошли к Кудрявой горе.

И что же? У ее подножия, близ родника, узрели они чудо превеликое и престрашное. Покоились на траве два скелета: всадника и лошади. Ноги всадника были привязаны к стременам, а в руках он держал боевой лук, но в колчане не было ни единой стрелы.

Долго молчали мужики, а отрок Ясень проливал слезы над прадедом Родомыслом, в крещении Антипом, и над конем буланым.

На другой день тут же, на горе Кудрявой, предали кости земле, крест деревянный водрузив. Только с той поры гора эта, близ села Дивеева, зовется Мертвой.¹

Крылья в багаже

¹ Ю. Медведев, Е. Грушко Русские легенды и предания. «Эксмо», 2004.

Глава 1

Из беседы чада с духовным отцом:

– Сколько крыльев у ангела?

– Два крыла.

– А у Серафима?

– Шесть.

– А у человека сколько?

– Батюшка, не знаю.

– А у человека – сколько угодно.

Сколько любви – столько и крыльев.

Архимандрит Ипполит (Халин)

– Вика! – Вадим звонить не стал, открыл дверь своим ключом. В ответ – тишина. Наверное, уснула бедняжка. Только вчера снизилась температура, и Виктории стало лучше. Перед этим она умудрилась подцепить простуду, ходила на работу до тех пор, пока не свалилась с жаром. Но и дома все охала и сожалела, что не доделала какие-то справки. Просто герой-трудоголик.

Вадим бросил куртку на галошницу, прошлепал в гостиную прямо в ботинках. Из-за угла выскочило пушистое существо, проскакало мимо хозяина, полностью его проигнорировав, и рвануло в коридор.

– Мусалина! – возмущенно крикнул ей вслед Вадим. – Что за манеры? Ведь ты же благородных кровей, вроде бы.

Естественно, в ответ ни звука. Кошка считала ниже своего достоинства отвечать на оскорбления.

Вадим на цыпочках подкрался к спальне, заглянул – Виктории там не было. В кухне, судя по поведению кошки, – тоже, иначе бы она там крутилась. Ну не на улицу же ушла Виктория Корецкая? Вадим услышал плеск воды. Ванная! Как он сразу не догадался?

– Привет! – Зорин сунул голову в открытый дверной проем.

– Привет! – радостно отозвалась Виктория. – Я и не слышала, как ты вошел. Так захотелось принять ванну, я после болезни чувствую себя деревенской свиношкой.

– Ой, а я люблю деревенских свинок! Они такие славные, – Вадим улыбнулся. Вика бросила в него мочалку. Через секунду в дверном проеме появилась голова кошки. Она, немигающе, уставилась на мочалку на полу, затем перевела взгляд на Викторию.

Это хвостатое существо, еще не так давно было заклятым врагом Корецкой. Как только Вика появилась в квартире Вадима, Мусалина решила для себя, что будет ей мстить. Мстила она обдуманно и пакостно. Это была ревность. Вика поняла сразу, что движет соперницей, и рассказала об этом Вадиму, но он лишь смеялся. Мусалина или по-простому Муся обожала Вадима все пять лет своей кошачьей жизни, она безумно скучала в его отсутствие, видела его в своих снах и там всегда побеждала тех, кто претендовал на ее место. Самым первым и главным врагом была жена Вадима, она не выносила животных и была способна на любую гадость. Муся после нескольких неудач в борьбе с ней сбежала из их дома и отправилась к родителям Вадима, там было безопасно, и любимый Вадим появлялся часто. Потом злобная соперница исчезла, но появилась Виктория. Муся сразу почувствовала свое преимущество. Первым делом она оставила в ее мягких тапочках свои экскременты, стала периодически писать в самые дорогие туфли, отказывалась есть именно тогда, когда ее кормила Вика, хотя при этом возмущенно орала от голода. В общем, была объявлена война. Вадим придерживался принципа никогда не наказывать животных, иронично отзывался на жалобы Виктории и просил просто не обращать внимания на выходки кошки, самым любимым занятием которой было ходить по пятам за Корецкой и пищать, мяукать она не умела. На возмущения Вики кошка садилась в мягкое

кресло, смотрела на нее, щури желтые глаза, потом делала вид, что ей страшно докучают претензии соперницы, и принималась вылизывать шерстку.

Была она трехцветная, с преобладанием коричневого, манишка и лапы белые, на мордочке и ушах перемешаны белые и рыжие пятна, причем рыжие словно кисточкой брызнули. Было у Муся еще одно развлечение: как только Вика шла принимать душ или ванну и забывала запереть дверь, кошка умудрялась открыть ее самостоятельно, она с важным видом заходила в помещение, садилась у входа и смотрела, как Корецкая моется. Будто оценивая ее формы, она периодически расширяла глаза, словно удивлялась. На крики «Кыш! Пошла отсюда!» Муся не обращала внимания. Это повторялось каждый раз, как ей только предоставлялась возможность. Однако в один прекрасный момент все изменилось.

За дверью одной из соседних квартир жил кот, черный как уголь, здоровый, гладкий, страшно уверенный в себе. Хозяйева его решили оскопить, так как хлопот он доставлял немало. Когда Муся успела плениться неугомонным красавцем – непонятно, но она то и дело выскакивала на лестничную клетку, виляла хвостом, крутила бедрами и зазывно смотрела на черную, большую, как миска, морду. Кот тоже не упускал возможности показать себя во всей красе. Одним словом, они доигрались – Муся успела потерять невинность и забеременеть. Вскоре кота повезли в лечебницу.

Прошел месяц, чуть больше, кошка по-прежнему с удовольствием лазила по шкафам, прыгала на форточку, носилась по квартире, вероятно, в какой-то момент она получила внутреннее ушибы. Началось заражение, она не ела, не пила ровно сутки, вставала и опять ложилась. Вика первой почувствовала беду, она, придя с работы, на пороге оставила сумки, бросила на кошку только один взгляд и поняла, что медлить больше нельзя. Муся орала как резаная, когда Вика тащила ее в лечебницу, – благо, что было недалеко, – но скользко: Корецкая дважды чуть не упала. Но все-таки донесла. Врач был в шоке, кошка умирала на глазах, у нее уже начались судороги. «Варианта два, – сказал врач, – делаем сейчас операцию. Котята, конечно, уже мертвые, но не даю гарантий, что и она не умрет – все зависит от почек; второе – сейчас просто ее усыпляем». «Делаем операцию! – закричала Вика так, что всех испугала. – Сколько это стоит? У меня с собой мало денег и карточки нет». Оказалось, что налички не хватит, но Вика договорилась, что принесет. Все равно кошку можно будет забрать только через два часа. Виктория не смогла дозвониться до Вадима, съездила домой, потом ждала в лечебнице. Кошку принесли в маленьком одеяле, как ребенка, она смотрела на мир стеклянными глазами – еще не отошел наркоз. Потом врач дал лекарства и сказал, что колоть надо всю ночь каждые два часа. Вот так. Вика сидела рядом с Мусей, обложенной теплыми бутылками, трогала ее нос, гладила, уколы делал Вадим. Когда кошка пришла в себя, она поползла куда-то в коридор, затем даже попыталась влезть на шкаф, но не смогла. Швы сняли через две недели, Вика отвозила кошку сама. С тех пор Муся стала ее самой горячей и преданной поклонницей, о соперничестве не было и мысли. Но кошка все равно любила смотреть, как Вика моется.

– Вадим, хватит на меня пялиться, и Муську прогони, – сказала она, заметив кошку.

– Почему мы должны уйти? – удивился он. Зашел в ванную комнату, Муся за ним. – Нам очень нравится то, что мы видим.

– Муся может так не думать.

– Это неважно, – Вадим насмешливо посмотрел на Викторию, сел на край ванны. – Ты сделала пену слишком густой, мне не видно, что под ней, – пожаловался он и опустил руку в воду.

Кошка удивленно выкатила желтые глаза, заметив, как хозяин ломает белоснежные холмики пены. Один из холмиков он навесил ей на ушко. Муся выразительно фыркнула и ушла спать. Проснулась она лишь в тот момент, когда хозяин нес Викторию на руках. На ней был толстый белый и очень мягкий халат – Муся проверяла. Хозяин и Вика смеялись, потом он покружил ее по комнате, отнес в спальню и бережно уложил на кровать.

– Я заварю тебе чай с лимоном и мед принесу, – сказал Вадим Вике, подмигнул ей и исчез за дверью. Виктория поправила подушку, прикрыла влажные волосы полотенцем и легла. Муся вошла в спальню через несколько минут, беззвучно мяукнула, остановилась прямо перед кроватью Виктории.

– Иди сюда, – Вика хлопала рядом с собой, – давай, – получив разрешение, Муся грациозно прыгнула на кровать, помяла лапками левый бок Виктории и улеглась возле него. Корецкая блаженно вздохнула. В последнее время ощущение счастья не просто накатывало, оно обрушивалось, накрывая с головой. Временами казалось, что происходящее вот-вот исчезнет, испарится, Вадим был наградой. Как же здорово, что они встретились! Но самое удивительное, что и подруга Надежда одновременно с ней – Викторией – обрела свою любовь. И ни с кем иным, как с братом Вадима. «Теперь мы – родственницы», – тогда пошутила Вика. Жаль только, что Надя с Николаем не стали устраивать свадьбу. Они так поспешно расписались и уехали за границу, словно боялись опоздать, решили не терять ни минуты. Отныне они принадлежали друг другу, как и время, которое им было отпущено. Каждая минута, каждый миг, вместе, рядом, наслаждаясь, познавая, растворяясь...

Глава 2

Надя подтянула на плече сумку и посмотрела на мужа. Он широким шагом шел по зданию аэропорта, где-то здесь должны быть бегающие дорожки с чемоданами.

Надя не очень хорошо переносила самолет: пока летели первую часть пути, она сидела, вставала, ходила, наблюдала за соседями, пила, есть отказывалась, одним словом – маялась. Чего не скажешь о Николае: он спокойно сидел в кресле, попивал кофе, читал сначала прессу, затем достал какую-то брошюру, отрываясь от которой, периодически спрашивал Надю о самочувствии, не надо ли чего. Она улыбалась и шутила: не может ли он ускорить полет? Но муж сказал, что им еще предстоит лететь гораздо больше, чем пролетели, надо набраться терпения. Утомительный полет. Шутка ли – лететь почти 10 часов, да еще с пересадкой. Пересадку сделали в Париже. Сели на Боинг, стюардессы – смуглые пышечки – выдали пледы, маски для сна и наушники для плеера. Взревели моторы, и самолет понес их навстречу с Сейшельскими островами! В семь утра забрезжил рассвет. По салону пронесли кофе. Карта на огромном мониторе салона указывала о завершении перелета. Через полчаса самолет зашуршал по бетонке приютившегося у скал аэропорта. Вот они – Сейшельские острова!

Николай предложил именно их. Сказал, что однажды был здесь. Да, они целой компанией встречали Новый год. Необычно, конечно, Новый год без снега, зато отдохнули замечательно. На вопрос Нади «были ли с ними девушки?» Фертовский сделал вид, что ее не расслышал, принялся разыскивать путеводитель, утверждая, что он им пригодится. Добавил, что на островах теплый климат, места просто сказочные, они словно созданы для «медового месяца».

«Медовый месяц»! Надежда произносила эти два слова и могла поклясться, что ощущает вкус меда на губах. В какие-то моменты она ловила себя на мысли, что находится не здесь и не сейчас – все, что произошло с ней в последнее время, не может быть реальностью, она просто попала в другое измерение, но скоро вернется к тому, что всегда было вокруг нее, словно проснется, но не от кошмара, а от выдуманного ее отчаявшейся душой сна, мечты. Однако шел день за днем, а мечта была рядом и никуда исчезать не собиралась, более того, оказалась очень пылкой мечтой. Ну, кто бы мог подумать, что за такой ледяной сдержанностью и немногословием таится настоящая страстность, ненасытность и потрясающая нежность и терпение?! Мало того, поначалу Надежда просто стеснялась, она еще и была сбита с толку именно этим. Она вышла замуж за человека, которого только-только открывала для себя. С точки зрения здравого смысла это было, ну, если не безумием, то риском. А она опасалась авантюры, даже в мелочах, избегала их по мере возможности.

Мама была удивлена не меньше. Она только спросила: кто он? Как давно вы знакомы? Услышав ответ, всплеснула руками, но отговаривать не стала. Может, она что-то почувствовала, по-женски? Увидев Фертовского, приняла его радушно, сказала, что рада знакомству. А он покорила ее своими безупречными манерами и настоящей мужской серьезностью. Мама лишь вздохнула: только больно уж красивый! Как картинка с обложки. На что Надя засмеялась и вспомнила, какое на нее он произвел первое впечатление. Мама была мудрой и видела больше – так и сказала Наде.

В то же вечер Николай впервые привез Надю к себе. От волнения ее трясло как перед экзаменом, щеки предательски горели, а руки были холодными.

Для одного человека квартира была довольно просторной, не то что Надина «хрущевка». Уютной? Нет, ей так не показалось. Везде присутствовал минимализм и все та же сдержанность, особенно, в колористике – белый, серый и черный. Надю всегда удивляло подобное: так скучно да еще за приличные деньги! Более того, всюду царил идеальный порядок. Надежда даже испугалась. Вот уж у нее был вечный хаос, и в жизни, и в доме – веселое буйство красок, спонтанность, куча милых безделушек, памятных сувениров, папки с бумагами, пакеты с файлами (работа редактора приносила свои плоды), вырезки из журналов, книги везде, даже на полу, и еще множество всяких мелочей. «Господи, да у нас нет ничего общего! – от паники у нее даже голова закружилась. – Зачем мы все это затеяли? Мы как небо и земля! Что я здесь делаю? Зачем пришла? А ведь, похоже, именно сегодня он хочет большего, чем поцелуи!» Она попятилась и неожиданно наткнулась на кожаное кресло, шлепнулась в него.

Николай подошел к ней, дотронулся до рук.

– Тебе холодно? – удивился он и так пристально посмотрел ей в глаза, что Наде показалось – он знает обо всех ее страхах. – Я налью тебе чего-нибудь выпить, ты согреешься, – он пришел к такому выводу и ринулся к шкафам. Надя перевела дух, нет, он не может читать ее мысли. Это было бы слишком! Просто он озабочен, чем ее согреть. Сколько же у него шкафов с полками? И он не знает, в каком из них спиртное? В собственном доме? Надежде вдруг стало смешно. Чопорность дизайнера его дома тоже имела свои недостатки.

– Черт! – тихо выругался Фертовский, почесал затылок. – А, вспомнил! – он полез в шкафчик возле холодильника и достал бутылку с жидкостью темно-янтарного цвета. – Это коньяк, хороший.

Надя пришла в ужас, знала, что быстро пьянеет от крепких напитков. Пьянеет и становится невожатанной на язык, чересчур раскованной и способной на самые неожиданные поступки. Не хватало еще и осрамиться перед Николаем. Пьяная дурочка, он сразу разочаруется.

– Нет-нет, спасибо! – она так эмоционально запротестовала, что он удивленно на нее вытаращился, захлопал ресницами. – Я уже согрелась, мне не нужен коньяк.

– Ну, хорошо, – тут же согласился Николай, встал посередине комнаты, не зная, что делать дальше, – может, тогда кофе? – смущение Нади передалось и ему.

– Лучше чай, – ответила Надежда, – помочь заварить? – она пружинкой выскочила из кресла. В следующую секунду зазвонил телефон, и Фертовский, извинившись, попросил Надю саму заварить чай, взял трубку.

Надя бесшумно вышла на кухню и теперь, подобно хозяину, принялась методично открывать и закрывать бесконечные полки в поисках заварки. Пока она это делала, пыталась понять, что сейчас их обоих так смущало. Когда они встречались на нейтральной территории, все было гладко, хотя события разворачивались просто с гиперзвуковой скоростью: в первое же свидание поцелуи, там, под лестницей, там же объяснение в любви и предложение руки и сердца и опять поцелуи. Потом еще несколько свиданий, и вот Надежда дома у Николая. Наверное, это этап их отношений, который имеет особое значение. Мужчина пустил ее не только в свое сердце, но и в свою жизнь, в свой дом.

Да где же у него заварка? Надя на всякий случай оглянулась, пошарила глазами по пустому столу. Архиаккуратность!

– Вот здесь, – Николай подошел сзади, одной рукой обнял ее плечо, другой открыл дверцу шкафчика прямо перед глазами.

– А, спасибо! – опять заволновалась Надя. Ну что же это такое? Совсем сошла с ума! Нервничает, как девчонка.

– А, пожалуйста! – не без иронии ответил Николай. Снял руку с ее плеча и направился ставить чайник.

Сели друг напротив друга, синхронно взяли в руки чашки и также синхронно отпили. Засмеялись этому, Надя облегченно перевела дух, незаметно расслабилась. Но ненадолго.

– Чем будем заниматься? – задал невинный вопрос Николай, она встрепенулась, словно испуганная птица, были бы крылья – обязательно ими замахала. Торопливо поставила чашку. Фертовский внимательно за ней наблюдал, казалось, замечал каждую мелочь, с трудом прятал улыбку. И не только ее. Как же хотелось обнять эту глупышку, прижать к себе, ощутив стук ее взволнованного сердца, потом подхватить на руки, отнести в спальню и там вести себя отнюдь не как английский аристократ, с каким она его все время сравнивала. Но вместо этого он сидел напротив с самым серьезным выражением лица, пил английский, настоящий английский чай, и молчал какую-то чепуху о старых фильмах. Неожиданно сам для себя затронул эту тему, заметив, что Надя оживилась и даже охотно стала вспоминать давно известные и любимые цитаты. Фертовский упомянул о своей богатой видеокolleкции, Надя попросила показать ее. Таким образом, они переместились в гостиную, по дороге обсуждая, чего хотелось бы посмотреть. Сошлись на фильме «Еще раз про любовь», Андреева его давно не видела.

Сумерки уже сгустились в комнате, часы двигали стрелки, приближаясь к полуночи, Николай предложил включить свет, словно в темноте боялся поддаться соблазну обнять ее и этим спугнуть, но Надя и не догадывалась об этом, она смотрела фильм. В темноте светился большой прямоугольник экрана телевизора, а там, в кадре, главный герой ждал девушку, которую любил. Но он ждал напрасно, она погибла, проявляя, скорее глупость, чем отвагу, она не думала о нем, человеке, которого любила. Смерть – страшный эгоизм по отношению к любимым.

Надя вздохнула. Печальный финал. Николай за все время фильма не сказал ни слова, ни одного комментария, однако то и дело бросал на Надю взгляды, которые говорили о многом.

– Ну, мне пора, – как только кончился фильм, Надя медленно поднялась с кресла. Николай включил свет.

– Уже? – удивился он. – Но ведь... может, еще чаю? Ты не голодна? – держал в руках пульт и нервно постукивал им по ладони.

– Нет, спасибо! Тем более, так поздно я не ем, – она смущенно улыбнулась.

– Поздно? Разве уже поздно? – Николай оставил в покое несчастный пульт, стал переминаясь с ноги на ногу. Как странно, он – тот, кто никогда не испытывал недостатка внимания со стороны женщин, сейчас был растерян и не знал, как ему поступить, чтобы не спугнуть Надю. Он так долго ждал момента близости, что просто сгорал от желания, но полностью отдавал себе отчет, что его любовь и нежность должны излечить ее от душевных травм, однако было и одно обстоятельство: он боялся ее отказа. Это укоренилось в нем еще со времен, когда они были в Беляниново. Надя и сейчас могла занять жесткую и категоричную позицию. С другой стороны, ведь она дала свое согласие на брак! Но какие были у нее причины для этого? Неужели она так быстро изменила свое мнение о нем и влюбилась? Вряд ли. Николай пока многого не понимал и боялся, боялся сделать что-то не так. Иногда ему казалось, что он ступает по шаткому мостику, досочки угрожающе качаются, можно упасть только при одном неверном шаге. Еще ни одна женщина не вызывала в Фертовском таких чувств, и ни одну женщину он так не

боялся потерять. Более того, Надя вызывала в нем и непреодолимое физическое притяжение. Оно сжигало его изнутри.

– Да, поздно, – Андреева посмотрела на часы, – дома будут волноваться, – зачем-то добавила, хотя предупреждала маму, что, возможно, останется у Николая. Мама хитро сощурила глаза, возражать не стала. А в последний момент даже сунула в ее сумку ночную рубашку.

– Поздно, – вынужденно согласился Фертовский, подошел к окну и отодвинул жалюзи, – дождь усиливается, наверное, будет идти всю ночь, – он повернулся к Наде, она все еще стояла возле кресла. Как глупо! Ведь сейчас, действительно, придется уйти.

– Ты отвезешь меня? – безнадежно спросила она. Смотрела на Николая широко раскрытыми глазами и ждала, затаив дыхание.

– Конечно, – слишком поспешно согласился он, но эта поспешность не была обусловлена его желанием от нее избавиться, отнюдь, просто он не мог придумать предлог оставить ее у себя. Не проще ли сказать все начистоту: я хочу, чтобы ты была со мной в эту ночь, я люблю тебя! Нет, оказывается, не проще! А если она не хочет близости? Не хочет, не готова, еще не чувствует того, что чувствует он? – Конечно, я отвезу тебя, – Фертовский стал искать по карманам брелок ключей от машины.

– А дождь все сильнее, – Надя следила за его действиями и опасалась: он сейчас так быстро найдет ключи, а она не успеет придумать предлог, чтобы остаться.

– Да, усиливается, вроде бы и снег мокрый обещали, – Николай перестал делать вид, что ищет ключи. Он прекрасно знал, где они находятся, главное, чтоб об этом не знала Надя, – в такую погоду ехать небезопасно... – опять этот шаткий мостик! И идти по нему страшно, и тянет, словно магнитом.

– Не люблю такую грустную погоду, – Надя пожала плечами.

– Тогда, может... останешься? – наконец выдал он с затаенной опасливостью. – Я постелю тебе в спальне, а сам лягу здесь, в гостиной.

– Мне не хочется доставлять тебе неудобства, – ну что за глупость? Почему она сопротивляется? Ведь сама искала предлог! Николай его нашел, а она все делает вид, что хочет уехать. Нет, еще как хочет остаться! И не только остаться... Пожалуй, впервые в жизни Надя ощутила в себе эту искру, это пламенеющее желание, ей захотелось познать Фертовского не только как человека, как личность, но и как мужчину.

– Никаких неудобств, поверь! Здесь прекрасный диван, я отлично выплещусь. И тебе будет комфортно, я позабочусь, – он сделал паузу, – в смысле, постелю, – с этими словами он как-то быстро ретировался. Наверное, чтобы больше не давать Наде возможности возражать. Предлог найден, говорить нечего.

– А можно мне принять душ? – робко спросила Надя после того, как Николай застелил постель и сообщил ей об этом. Он едва сдерживал радость.

– Дверь слева, вот полотенце, – он с готовностью протянул большое зеленое полотенце и улыбнулся, – мне приятно, что ты решила остаться.

Она стояла под стремительным потоком воды, зачем-то вымыла голову, выдавила на руку ароматный гель и долго его нюхала. Затем намазалась им и тут же смыла, провела рукой по изгибам своего тела и покачала головой. На самом деле, многим женщинам в определенные моменты не нравятся их фигуры, но Надин комплекс был особенно стойким. И конечно, в этом случае разве что-то могло привлечь мужчину?

Надя, наконец, вышла из ванной комнаты – не будет же она вечно мыться? Николай сидел в кресле и читал книгу. Услышав шаги, он отложил книгу в сторону, поднялся.

– Все хорошо? – подошел к Андреевой, провел ладонью по ее влажным волнистым волосам, с удовольствием задержал взгляд на лице без косметики – он любил ее выразительные, миндалевидные глаза, румяные щеки, очерченные аккуратным бантиком губы.

– Да, у тебя вкусно пахнет гель, – она улыбнулась одними губами, а глаза тревожные.

– Тебе нужен фен? – она мотнула головой «нет», – ложись, приятного отдыха! – Николай взял ее за подбородок, легонько поцеловал в губы и ушел.

Она легла на огромную, как платформа, кровать, закуталась в голубое одеяло, как в кокон. Хорошо, что Николай выключил свет. Может, в темноте и ничего? Изъяны видны лишь при свете. А мама, что, специально положила ей эту закрытую и длинную рубашку? Когда Надя вышла из ванной, она только тогда поняла, что под такой рубашкой что-либо разглядеть невозможно. А он и не разглядывал. Зато поцеловал в губы, хотя поцелуй был, скорее, дружеский. Ну и пусть, ну и ладно! А ведь через три дня они распишутся, так сказал Николай.

Надя, услышав, что Фертовский выключил воду, закуталась в одеяло почти с головой, словно испуганный ребенок, которому в темноте шкаф почудился настоящим чудовищем.

Фертовский вышел из ванной, щелкнул выключатель. Стало совсем темно, но глаза Нади уже привыкли к мраку, она хорошо различала очертания предметов. Николай прошел по комнате, что-то положил в кресло. «Боже мой! – подумала Надя, – как он красив!» Она подглядывала из-за сугроба одеяла и была не в силах отвести взгляд, его бедра были обмотаны полотенцем, Фертовский подошел к окну, поправил штору, полоска света фонаря с улицы очертила его силуэт. Наверное, боги на Олимпе были именно такими.

Николай обернулся, несколько секунд стоял неподвижно, смотрел на Надю, затем медленно подошел к кровати.

Глава 3

Надежда от досады принялась кусать губы. С другой стороны, о чем сожалеть? То, чего она так боялась, не случилось. Вот и радуйся: Фертовский тихо сказал «спокойной ночи!» и ушел, не дождавшись ответа. Все хорошо, все замечательно! Зато ей нет нужды беспокоиться о несовершенстве своих форм и о том, что он бы разочаровался, увидев все ее прелести.

Это она – Надя Андреева – мучается, сама не знает: переживать о том, что между ними ничего не произошло или радоваться, что ничего не произошло? А вдруг он ее просто не хочет? Не считает привлекательной? Привлекательной как женщину? Эта абсурдная мысль так ею овладела, что сон вообще как рукой сняло, хоть вставай и иди на кухню. Почему туда? Просто, обычно те, кому не спится, обитают именно на кухне: кто-то ест, кто-то пьет чай или кофе, кто-то даже включает телевизор. Надя закрыла глаза, стала считать овец. Представила себе огромное стадо, глупые улыбающиеся морды, кудрявые спины. Вон та пухленькая овечка похожа на нее. Так увлеклась процессом создания фантазии на тему «овцы», что забыла, зачем все это затеяла. Ну, теперь точно до утра не уснуть. Да и кровать жесткая, одеяло слишком теплое.

Надя тихонько поднялась с постели, включила ночник, стараясь не шуметь, на цыпочках вышла в гостиную, туда, где спал Николай. Он лежал на спине, прикрывшись одеялом до пояса, грудь равномерно опускалась и поднималась в такт тихому дыханию, глаза закрыты. Одна ладонь покоилась на груди, другая под затылком – поза полностью расслабленного человека.

Надя тяжело вздохнула и прошла дальше, в темноте нащупала арку, ведущую в кухню. Недолго думая, открыла дверцу шкафчика, – хорошо, что помнила, какую, и вытащила бутылку с коньяком. Это должно успокоить. Она сделает только пару глотков, от которых не успеет опьянеть.

Коньяк, ущипнув за язык, приятным теплом разлился по телу. А в целом не так уж и плохо! Просто она сегодня переволновалась, столько событий за один день, да еще ночевать у Николая осталась. Нет, все-таки он ее любит, иначе бы она здесь не сидела. Не сидела? Вот именно! Была бы давно в его кровати и наслаждалась близостью с этим мужчиной. Вместо этого сидит на кухне и пьет коньяк. Видела бы Виктория, погнала бы пинками в спальню, нет,

перед этим прочитала бы нотации и сорвала с нее нелепую бабскую рубашку. Надя хихикнула, представив себе подобную сцену. Надо еще выпить коньяку, это повышает настроение.

– Будем здоровы! – сказала Андреева вполголоса, подняла рюмку и опорожнила ее. Вот так-то лучше.

Очередное вливание оказало свое благотворное воздействие. Стало очень хорошо и даже весело. Надя убрала бутылку обратно на полку, сделала несколько па по кухне, наткнулась на стул, чуть его не уронила, стул грохнуть не успел. А если бы грохнул? Ей понравилась эта мысль. Николай бы тогда испугался и примчался сюда. Николай...

Надо пойти к нему в гостиную, кажется, уже дошла до такого состояния, когда все грустные мысли растворились в коньяке. Нет, сначала необходимо расчесаться. Разве можно такой лохматой соблазнять мужчину своих грез?! А кто сказал о соблазнении? Сама и сказала. Так что же она теряет время? Вперед!

Надя элегантно, как могла, вошла в гостиную, Николай, отвернувшись, лежал на боку. Она остановилась перед диваном в замешательстве: как соблазнять мужчину, если он от тебя отвернулся? Приставать к его затылку? Нет, он опять все ее карты спутал, хотелось появиться грациозно, с достоинством, нежно разбудить его поцелуем в губы, услышать заверения в любви, а потом...

Что-то фантазия истошилась. Нет, затылок, конечно, тоже весьма привлекательный, мягкие кудрявые волосы, хочется провести по ним кончиками пальцев или зарыться носом. Или погладить плечо, оно такое сильное, теплое.

– Николенька, – тихо позвала она, близко подходить не стала. Зачесалось колено, Надя почесала его через рубашку и только сейчас осознала, как нелепо выглядит со стороны: клуша в длинной рубашке да еще чешет колено и имеет намерение пристать к мужчине, который лежит к ней спиной.

– Нет, это пытка какая-то! – чуть не сказала громко, вовремя снизив децибелы возмущенного голоса. – Ну, если и правда он меня не хочет?

Расстроенная, она убежала в спальню, прыгнула в кровать, неловко запуталась в рубашке, психанула, сняла ее с себя и, метко прицелившись, бросила в кресло. Через пару секунд захотелось плакать – от жалости к себе или это коньячные метаморфозы? Сначала радость, потом слезы...

Неожиданно она почувствовала прикосновение к волосам, затем легкое касание к шее. Чуть сдвинулась кровать от тяжести тела, он лег рядом. Надя, не решаясь повернуться, замерла. Фертовский придвинулся к ней вплотную, приник к ее уху и нежно укусил за мочку.

– Откуда ты знаешь, что мне это нравится? – тихо произнесла Андреева.

– Что? – переспросил он и опять укусил ее за мочку. Голос был вкрадчивым и невероятно сексуальным.

– Прекрати! Этим ты сводишь меня с ума.

– А я и хочу тебя свести с ума, – промурлыкал он и поцеловал ее за ухом, – я хочу, чтобы ты потеряла голову. Я-то ее давно уже потерял, ты сомневаешься?

– Иногда – да! – она спрятала улыбку.

– М-м-м, иди сюда, – Николай включил ночник, перевернул Надю, наклонился над ее лицом, – пахнет коньяком, – удивился он, – постой, ты пила коньяк? – он хохотнул, закрыв лицо ладонью.

– Ну да, – призналась Надя, – не вижу ничего смешного, – вознамерилась было обидеться, но Николай так искренне и от души хохотал, что она передумала. Даже и не подозревала, что он способен так смеяться. Будто миллионы бриллиантовых искр засветились в его глазах, а ямочки на щеках, оставленные поцелуями ангела, затронули в ее душе самые нежные и звучные струны...

– Если ты пила коньяк, – сказал Николя сквозь смех и вдруг умолк, – да еще сняла рубашку, – он только сейчас заметил, что она лежит рядом обнаженная, одеяло съехало вниз, открывая взору грудь, – все-таки ты думала о близости?

– Ну, вот еще! – Надя отвела в сторону тянущуюся к ее груди руку и отодвинулась на другой конец кровати.

– Немедленно двигайся сюда! – раздалось притворно сердитое требование.

– И не подумаю! – Надя скорчила забавную гримасу.

– Как девчонка, честное слово! – Фертовский уселся на кровати и грозно сложил руки на груди.

– Я и есть девчонка, – не стала спорить она.

– Тогда иди сюда! Я хочу, чтобы ты придвинулась ко мне, – он хитро улыбнулся, – ну, пожалуйста, я должен кое-что сказать.

– Только сказать?

– Не только, – он протянул руку, – ну, иди ко мне, мое сокровище бесценное. Любовь всей моей жизни, моя Наденька.

Ей так понравились его слова, что она, больше не медлила. Они одновременно устремились навстречу друг другу. Объяты, горячие поцелуи. Оторвавшись на секунду от разгоряченных губ Надежды, Николай перевел дыхание.

– Я едва уговорил тебя остаться, – пожаловался Николай, откинувшись на подушку, Надя пристроилась у него на плече, – ты не хотела близости?

– Ничего подобного, я переживала не меньше твоего. Мне даже не спалось.

– Мне тоже.

– Но ведь ты, – она замялась, – я видела, как ты спал.

– Значит, ты наблюдала за мной?

– И ты тоже. Ведь ты видел, что я ушла.

– Да, видел, – признался он, – видел и очень страдал, – он опять принялся ее целовать, а руки гладили. – Но ведь и ты проявила свое коварство: вышла из душа вся такая недоступная, как в доспехах, демонстративно закуталась в одеяло и отвернулась, дав понять, что не хочешь быть со мной этой ночью.

– Это ты дал понять, что я тебя не привлекаю, – возмутилась она и даже махнула рукой, – поэтому я и ушла, – она сделала паузу, – пить коньяк! Чтобы хоть как-то себя утешить. А потом решила попытаться тебя соблазнить.

– Соблазнить? – он невольно улыбнулся.

– Ну да, как дурочка стояла и смотрела на твой затылок. А ты делал вид, что тебе все равно. Ты, наверное, так привык к тому, что тебя дамочки соблазняют сами, что уже и не реагируешь.

– Были ситуации, конечно, – в его голосе чувствовалась ирония, – но так изящно еще никто меня не соблазнял: сначала полное безразличие, включая томительное пребывание в душе, выход в рубашке твоей прабабушки и ныряние в постель, а потом распивание в одиночку коньяка и скромное стояние возле моего дивана.

– А коньяк и правда хороший, – призналась Надя, – можно иногда я буду опрокидывать рюмочку? – пошутила она. – Ведь именно после этого волшебного коньяка я перестала вести себя так нелепо.

Фертовский опять засмеялся. Шутить над собой умела только Надежда Андреева.

– Я люблю тебя! Люблю всей душой, Наденька!

– Чему ты улыбаешься? – спросил Николай, когда они уже вышли из аэропорта, взяли такси – одну из самых приличных на вид машин, она была раздолбана меньше всех, и стали загружать чемоданы.

– Так, кое-что вспомнила, – Надя посмотрела на чудесное голубое небо Сейшел, легкий ветер стал заигрывать с ее волосами. Воздух был теплым и даже вкусным. Шоколадно-смуглый таксист, настоящий креол, глянув на Надю, цокнул языком. Когда сели в машину, он просто-душно спросил у Николая про его спутницу. Правда, спросил так непонятно, что Фертовский, знающий королевский английский с детства, так как жил в Лондоне почти до российской перестройки, с трудом понял креола.

– Моя жена, – ответил Николай, чеканя каждый слог. Креол обернулся, опять посмотрел на недоуменную Надю, обнажил молочно-белые зубы в широкой улыбке.

– Мсье богатый человек, очень богатый, – сказал таксист. Николай сдвинул темные очки на кончик носа и в ожидании объяснений уставился на таксиста, – на моей Родине пышнотелая женщина считается огромным богатством.

Глава 4

Такого рода высказывание можно было расценить как угодно: от искреннего желания сделать просто комплимент гостям до попытки заигрывания с чужой женой на глазах у мужа. Правда, Надя плохо расслышала, что сказал таксист, скорее, догадалась по реакции мужа да по взглядам, которые то и дело на нее бросал креол, посматривая в зеркало. Фертовский сдвинул брови, поправил очки, что-то ответил таксисту, у того улыбка сразу сползла набок. И хотя он был добродушным малым и не комплексовал при общении с богатыми путешественниками из «больших стран» – обиделся, правда, ненадолго. Решил извиниться, объяснив, что не хотел ничего дурного. Кажется, господин принял извинения, по крайней мере, кивнул и скупно отвечал на вопросы. Оказывается, уже был на островах, и весьма высокого мнения о них, неплохо ориентируется на местности и даже знает историю Сейшел, чем вызвал у креола настоящую гордость.

Надя посмотрела в окно автомобиля. Дорога, по которой они ехали из аэропорта Маэ на север острова, тянулась вдоль восточного побережья Индийского океана. Машина таксиста скрипела рессорами и так подпрыгивала на буграх «лежачих полицейских», что Надя чуть ли не ударялась головой о крышу. Николай так крепко держался за облупившуюся ручку машины, что только чудом не получал удары по голове. Креол привычно прыгал и не замечал неудобств. Надя тоже скоро перестала испытывать дискомфорт, приспособившись ловко подпрыгивать, и даже находила в этом детское удовольствие. Более того, кругом расстилался такой пейзаж, что хотелось вылезти в окно, чтобы увидеть всю эту красоту. Невероятным казалось именно это – океан близко. Чуть ли не за бортом машины его изумрудная гладь, изумительно белый песок, пляжи чистые, как в пору творения. Они окаймляли остров, повторяя очертания бесчисленных бухт и бухточек, изрезавших побережье. Надя никогда не видела ничего подобного, ее путешествия ограничивались Крымом и один раз Северным Кавказом. На первый взгляд ей показалось, нечто подобное есть и на Сейшелах, но это лишь на первый взгляд. Здесь был настоящий рай, начиная от воздуха, солнца, океана и заканчивая местной экзотикой во всем, даже в мелочах. Муж сказал, что они проедут через столицу острова Викторию (Наде понравилось название, сразу вспомнила о подруге). Еще он добавил, что многие, кто провел здесь свой медовый месяц, называют эту поездку «путешествием жизни», еще долго вспоминая его с благодарностью.

– Николенька, это столица? – спросила Надя, когда показались дома с полотняными маркизами и ажурными балконами, лавочки, магазины – дорога Мон-Флери привела их к центру города.

– Да, это Виктория – столица острова Маэ, – подтвердил Фертовский, – до залива Бо-Валлон нам ехать совсем немного, меньше семи километров. Это по-настоящему туристическая зона архипелага, второй после столицы очаг цивилизации. Знаешь, как называют к нему дорогу? Дорога в 33 поворота! Вообще, здесь своеобразные дороги, делятся они на две категории – прибрежные и проложенные поперек острова. Всего их, кажется, шесть, да, шесть. Конечно, можно импровизировать по ходу дела (с риском вернуться в исходную точку, сбившись с дороги), но предпочтительно следовать установившимся маршрутам, о которых мне известно. Более того, меня привлекают пешие прогулки, надеюсь, ты непротив, дорогая? Мне не хочется зависеть от транспорта и чаще быть с тобой именно на дикой природе.

Надежда зарделась:

– С тобой – на край света!

– По-моему, мы не так далеко от него, – пошутил он с самым серьезным видом. Таксист слушал, открыв рот: какая странная речь! Окончания тянут, слова длинные! А господин с таким лицом, будто все время недоволен, хотя его замечательная жена явно покраснела от удовольствия. Да и смотрит она на него с нескрываемой нежностью, в то время как он закрыл глаза темными очками.

– А в маршрут наших прогулок войдет осмотр достопримечательностей Виктории?

– Конечно, – кивнул Фертовский, – но не забывай, для чего мы сюда приехали, прежде всего, – он снял очки и бросил многозначительный взгляд на декольте ее платья.

– Мы в машине не одни, – Надю все еще смущала его страстность, которая в определенный момент явилась для нее полной неожиданностью. Фертовский оказался самым горячим и ненасытным мужчиной в ее жизни. Ее удивляло, как быстро он воспламенялся, стоило им лишь остаться наедине. Надю охватывала дрожь, восторг, смущение. Понадобилось совсем немного времени, и она осознала – Фертовский способен своей любовью исцелить ее.

– Мы не одни, но таксист не знает русского языка, – заметил Николай.

– Кажется, для того, чтобы разгадать наши желания, вовсе необязательно знать язык. Посмотри хотя бы на мои пунцовые щеки, а взгляды, которыми мы обмениваемся? Особенно твои, мой дорогой!

– Тогда я надену очки. Так лучше? – он водрузил очки на нос.

– Бесплезно, думаю, таксист уже обо всем догадался. Будем скромнее хотя бы оставшуюся часть пути? О, это рынок? – воскликнула она, заметив ограду, на вывеске которой красовалось: «Sir Selwyn – Market», при входе колоритная темнокожая дамочка продавала лотерейные билеты. – Мы придем сюда?

– Если пожелаешь, – отозвался Николай и усмехнулся. Редкая женщина равнодушна к базару.

Наконец, столица осталась позади и вот он – залив Бо-Валлон. Его пляжи самые известные, самые посещаемые, на берегах спят, живут и купаются в спокойном океане сотни туристов. Однако густая заселенность всего района ничуть не мешает найти одну из множества бухточек, усеянных гранитным щебнем, очень удобную для купания в одиночку. А жить? На юге залива в бухте Бель-Омр Надю и Николая ждал деревянный домик в Le Petit Village. Домики здесь новые, словно только что сошедшие с картинки, находились на самом пляже, в тихом углу огромного залива.

Туда и приехали, выгрузили вещи, таксист, получив плату, пожелал хорошего отдыха, еще раз посмотрел на Надю и уехал.

– Какой славный домик! – не удержалась от восторженного возгласа Надюша. Хозяин домиков оказался радушным и гостеприимным, сам повел их к домику, выделил помощника донести вещи.

Домик из темного дерева был двухэтажным, на второй этаж выходил резной балкон с круглым столиком и стульями. Можно вечерами здесь сидеть и наслаждаться видом океана.

Крыша домика была из зеленой черепицы, почти пологая. Весь первый этаж был застеклен, его окружала тоже деревянная резная ограда, которая крепилась в высоком фундаменте, украшенным мозаикой из мелкого серого камня. Домик утопал в зелени каких-то низкорослых деревьев, сбоку от него шумели пальмы. К газонам с экзотическими цветами вели ступеньки из того же серого камня.

Наде понравилась столовая и кухня, они были единым целым. Широкий стол с большой столешницей, высокие плетеные стулья возле маленького стола у окна, микроволновая печь, в углу – холодильник, возле него на стене – телевизор, все было залито солнцем, на столике и на холодильнике – вазы с цветами.

Спальня представляла собой небольшой зал, стены которого и потолочное перекрытие тоже были из дерева, в песочно-карамельном цвете. Большая кровать располагалась возле стены с вышитым в небесно-голубой рамке панно. Покрывало на кровати было точно в такой же цветовой гамме. Возле миниатюрного столика находились два плетеных кресла, в стене шкаф, тут же рядом, дверь в душевую. Особого шика не ощущалось, но уют и продуманность каждой мелочи создавали чувство домашней обстановки.

– Может, все-таки надо было взять номер в отеле? – вслух подумал Фертовский.

– Нет, мне здесь нравится! – Надя побежала к мужу и поцеловала его в знак благодарности. – Я предпочитаю банальной гостиничной комнате домик, где ощущаешь, что находишься «у себя». Это же здорово, разве не так?

– Меня умиляет твое умение радоваться самым простым вещам, – Николай обнял ее и прижал к себе, – меня вообще многое в тебе умиляет, восхищает и... – он поднял глаза кверху, – возбуждает. Да, воздух Сейшел пропитан не только пряностями, но и негой и эротизмом.

– Николенька, мы ведь только приехали, – напомнила Надя, – мы устали с дороги, хотелось бы принять душ.

– Удачная идея, – подхватил он. – Идем принимать душ.

– Вдвоем?

– Конечно! Разве тебе нужен кто-то еще третий?

– Нет, но...

– Никаких «но»! Я и так насилу дождался того, чтобы иметь возможность остаться с тобой наедине, кругом люди, люди, а тут еще и таксист со своими высказываниями и невероятной тряской своей машины. Неужели он думает, что я не знаю, какое мне досталось сокровище?!

Он стал расстегивать молнию на ее платье, поцеловал одно плечо, затем другое, коснулся груди. Да, идея снять домик была самой удачной, именно здесь им гарантировано полное уединение.

Глава 5

Надя, как только ее голова коснулась подушки, необычайно быстро уснула. Такого с ней прежде не случалось, в чужом месте она всегда плохо засыпала, независимо от удобства кровати, мягкости перин, умиротворяющей тишины или убаюкивающей темноты. Здесь тишину нарушал голос волн, которые неустанно накатывали на берег океана, их было слышно и в домике. В окна, через навес, пыталось пробиться ослепляющее солнце, да и кровать была жестковатой и даже тихонько поскрипывала, правда, не раздражающе. И Надежда уснула.

За это время Николай разобрал вещи, узнал адрес ближайшего кафе и заказал на ужин столик. Вернулся, жена еще спала. Удержаться от поцелуя оказалось весьма сложно. Она открыла глаза, потянулась.

– Тебе кто-нибудь говорил, что у тебя особенная улыбка? – спросила Надя, когда устроился на кровати рядом с ней.

– Особенная?

– Она быстрая, легкая, иногда даже обезоруживающая, жаль, улыбаешься ты редко.

Надежда была права. Такая улыбка, как у Николая, была сродни появлению солнца. Он любил уединение, погружение в себя, но когда его солнышко «выглядывало» из своего уединения, получалась такая восхитительная королевская улыбка. Однако солнышко пугливо и беззащитно, поэтому улыбка только для «своих». А ямочки на щеках? Это же чудо! Изысканное и завораживающее. Надя, наконец, поняла, что делает его таким неотразимым – сопереживающий взгляд. В своей чувственности он был благотворитель, а сама чувственность носила ореол таинственности. Более того, создавалось непреодолимое ощущение, что он способен понять женщину на очень высоком уровне, практически досконально. В этом был ключ осознания его магнетизма. Однако посторонним человеком Николай воспринимался иначе – сдержан, порой скован, педантичен, иногда чрезмерно шепетил.

В любви? Вот здесь самое интересное. Такие, как Фертовский, если их сердце поймано, уступают, уходят в укрытие, чтобы подумать. Страсть им кажется болезнью души, которую разум должен излечить. Они анализируют чувства, стараясь свести их к минимуму с помощью разума, сомнений, прений, насмешки, будучи при этом привязанным сильнее, чем думают. Они – горящий лед, не изливают свои чувства и любовь, доказывая делами больше, чем словами. Они рассчитывают на отношения, где главный акцент делается на моральную честность, чистоту, глубокое целомудрие, привязанность, если они не могут иметь этого, то предпочитают одиночество. И ещё один важный момент: люди, подобные Николаю, осторожны и с большим трудом заводят новых друзей. Они не будут делать первый шаг, пока не почувствуют себя абсолютно свободными в общении с новым человеком в их окружении. По некоторым моментам и обрывочным рассказам Надя успела понять, что во многом характер ее мужа сформировался не здесь, а в Лондоне, он там провел свои детские и юношеские годы.

Отец делал карьеру на дипломатическом поприще, матушка при этом никогда не работала, ни единого дня. Она всегда была «светской львицей», любила развлечения, праздник. Замуж вышла за сына друга родителей совсем молоденькой, неопытной по жизни, расценив это как веселое приключение. Кроме того, ей льстило внимание такого как Владимир Фертовский – образованный, с хорошими манерами, к тому внешне красивый, яркий. Он был подкупающе сдержан и серьезен, да еще его родители имели возможность ездить за границу. По тем временам это было великое благо. В общем, сыну светило такое же блистательное будущее, и это сыграло свою роль для заключения брачной сделки. В свою очередь Сонечка тоже понравилась Владимиру. Девочка была миленькой, даже очень, источала жизнерадостность, смотрела на Володю влюбленными глазами, все указывало на то, что она станет прекрасной женой. Но первые трудности начались, когда молодая жена, забеременев почти сразу после свадьбы, восприняла эту новость с ужасом. Более того, ее так мучил токсикоз, что из милой веселой курносой девушки она превратилась в постоянно раздраженную, усталую, болезненно исхудавшую женщину, которая к тому же не хотела иметь ребенка. Какой ребенок? Она еще сама дитя! И хочет получить от жизни все удовольствия. Муж стал уставать от ее нытья и перепадов настроения, он злился и старался меньше бывать дома.

Но, как известно, все проходит, и плохое тоже. Токсикоз закончился. Сонечка Фертовская почувствовала себя лучше и воспрянула духом. Родился замечательный здоровенький мальчик: русый пушок волос, поджатые пухленькие губки, и уже тогда он смотрел на мир серьезно. Софья заметно похорошела, красота набирала силу день ото дня, и она это знала. По взглядам мужчин, по комплиментам, да и зеркало было ее лучшим другом.

Сына назвали Колей, оба семейства были в восторге от факта появления ребенка. Но только факта. Сама молодая мамочка порадовалась, что избавилась от беременности, да и только. Такое странное равнодушие к ребенку со стороны женщины бывает редко, однако

бывает. И хотя мальчику уделялось достаточно внимания от няни, одна из его бабушек – вторая умерла раньше – любила Коленьку, но, овдовев, долго болела, на нервной почве заработала заболевание, из-за которого была вынуждена переехать жить в теплые края. Поэтому внука удавалось видеть нечасто. Но он чувствовал себя несчастным именно из-за равнодушия собственной матери. И, чем больше ему хотелось получить ее любовь, заслужить, тем сильнее он ее раздражал. Ее раздражало в нем все: начиная от темных, почти черных, недетских глаз, которые он не сводил с нее ни на секунду. Избавиться от этих, как ей казалось, укоряющих глаз было возможно, если только лишит мальчишку своего общества – что она и делала.. Это ей помогало. Он становился похожим на своего папашу не только внешне, был замкнут, молчалив, он совсем не умел улыбаться. В этой его сдержанности угадывалось и врожденное, и привитое высокомерие семьи Фертовских, их надменная чопорность. Они, конечно, скрывали дворянское прошлое своих предков, тщательно вуалируя его активной партийной работой, связями, умением приспособливаться и хранить тайны. И все же в этом семействе при определенных обстоятельствах обнаруживались замашки отнюдь не пролетариев или представителей новых советских интеллигентов. Здесь тяготела наследственность, «голубая кровь», которая не разбавлялась никакими вливаниями.

Коленьке хорошо давались науки, он знал английский язык едва ли не с пеленок, много читал, уединяясь в своей комнате. Когда появлялся отец, то задавал ему различные вопросы, внимательно слушал ответы, скупно хвалил или сердито возмущался неточностями. Любил ли его Коленька? Он не знал, но отец, по крайней мере, проявлял к сыну интерес, в отличие от матери. Та была несбыточной мечтой, фантазией с шуршанием шелковых платьев, мимолетным запахом духов, напоминающих ландыши, и отчаяньем. Первое явное разочарование пришло к Коленьке в день его семилетия. Отец в этот раз почему-то решил устроить настоящий праздник, созвал много гостей. Все они улыбались хмурому мальчику, дарили дорогие подарки и тут же теряли интерес к имениннику. Детей было мало: два крошечных мальчика, которых еще интересовали соски, и девочка-подросток, которую совсем не интересовала малышня – виновник торжества пребывал в этой же категории.

– Какой у вас красивый мальчик! – одна из гостей, полная высокая дама, подошла к Коленьке и погладила его по густым русым кудрям. Вместе с ней подошла и мама. Он не любил, когда прикасаются к его волосам, и не привык к проявлению ласки, от посторонних – тем более. Ласка забылась, она была в другой жизни, в обрывочных воспоминаниях раннего детства, где-то там были теплые руки бабушек, одна из которых умерла рано, другую он почти не помнил, видел редко. Мама так хотела. А теперь нежность совсем посторонней тетеньки не вызвала в нем ничего, кроме желания убежать. Но он не мог, не решился, с ней была мама.

– Только грустный какой-то, – добавила тетенька.

– Просто он у нас серьезный, – криво улыбнулась мама, – такой маленький – большой мужчина. Да, золотко? – она вдруг обняла его – испуганного и онемевшего. На миг его накрыло волной тепла, запаха ландышей и прикосновения мягких складок одежды. Мама быстро обняла и так же быстро отпустила Коленьку. Именно тогда ему пришло в голову, что мама просто хотела показать тете, какая она хорошая и как любит его. Именно тогда он начал распознавать фальшь и лицемерие...

Зачем он все это сейчас вспомнил? К чему ворошить целый пласт воспоминаний, покрытых толстым слоем пыли, надежно, казалось бы, похороненных обид и разочарований, связанных, прежде всего, с женщинами в его жизни. Вернее, с одной женщиной. От нее почти ничего не осталось в его судьбе. Нет, осталось и гораздо больше, чем он думал. И мертвый груз воспоминаний всплыл на поверхность неслучайно: сейчас рядом находилась женщина, которая, первая после матери, сумела тронуть его сердце, заставила его биться иначе. Не потому ли так болезненно он реагировал на все, что происходило между ними? Он вернулся в прошлое, к тому Коленьке, и опять жаждал любви. Это была своего рода спираль, еще один шанс. И

неважно, что сейчас он взрослый мужчина и может о себе позаботиться, защитить себя, а женщина рядом – вовсе не его мать. Суть в том, что одна из них, дав ему жизнь, лишила любви, а другая своей любовью способна возродить его к жизни.

Фертовский внимательно посмотрел на Надюшу: она, подсунув под щеку ладошки, устроилась у него на груди, закрыла глаза и опять задремала. Он погладил ее по спине, затем запустил руку в волосы, жесткие густые – свидетельство ее непростого характера. Но Николаю нравилось и это. Ее прямолинейность избавляла его от необходимости сомневаться в ее чувствах, уличать в лицемерии. А способность проявлять эмоции? Он когда-то попал в такой фонтан негодования при ее отказе, но ведь ее эмоции бывали и позитивными? Они ошеломляли, заражали, она умела наслаждаться каждой мелочью и с удовольствием этим делилась.

Надя во сне почмокала губами, Николай продолжал гладить ее по волосам, затем кончиками пальцев прикоснулся к шее, почесал за ушком, как кошку. Реакция последовала незамедлительно – Надежда вздрогнула, открыла глаза.

– Нечестно, – она поджала губы, – я так хорошо устроилась и даже задремала. Ты можешь спокойно лежать?

– Нет, – он пожал плечами, улыбнулся одними глазами, – ты хочешь невозможного: лежать с тобой рядом и ничего не делать?

– Ну, ты мог бы тоже подремать, – предложила она, однако заинтересованно поглядела на его губы – нижняя более полная и чувственная. И хотя лицо по-прежнему оставалось бесстрастным, руки уже выдавали все его желания.

Глава 6

Надя сидела у самой кромки воды, которая, накатывая, омывала ее ноги и звала за собой, на гребнях собирались барашки, а потом весело разбегались на шелковом песке. Николай заплыл так далеко, что Надя видела его лишь темную голову, которая казалась едва ли не точкой.

Плыть с ним Надежда не решилась, как супруг не уговаривал, у нее сегодня немного кружилась голова, наверное, акклиматизация. Поэтому дальний заплыв – несколько рискованное занятие, хотя и любила воду, особенно морскую. Любила ее теплое прикосновение, солоноватый вкус, мелькающих рыбок и мягкий «гребешковый» песок под ногами. А когда был полный штиль, море источало такое безграничное спокойствие, такое умиротворение, что душа очищалась, осветляя мысли, и возникало ощущение бесконечной свободы. Его дарило море, а здесь было даже лучше – здесь был океан.

Надя перевернулась, легла на живот прямо в воде и ощутила, как волны стали шаловливо подталкивать ее, то и дело, плескаясь на спине. Потихоньку перемещаясь к горизонту, солнце готовилось к закату, туда, где соединялись небо и океан. Воздух был особенно густым и мягким, легкий ветерок шелестел листьями пальм, одна из которых на длинном, похожем на толстый канат, стебле, устремилась к воде и нависла над ней, так и не добравшись. На вечернем небе растекались облака сиреневато-желтыми перьями. Пляж был почти пустым, вдаль загорали двое мальчишек, но и они вскоре ушли.

– Привет! – услышала Надя и удивилась: как быстро муж доплыл обратно, к берегу. Еще несколько минут назад его даже не было видно, а тут уже родной сердцу голос над самым ухом. Она почувствовала прикосновение его крестика на цепочке на своем плече.

– Как там, на глубине океана? – Надюша повернула голову, посмотрела на мужа, улыбнулась: мокрые кольца его волос прилипли ко лбу, на коже блестели капельки воды, а глаза имели цвет темного янтаря.

– Все хорошо, тебе огромный привет от марлина, он сетовал, что не засвидетельствовал тебе свое почтение лично, – Фертовский хитро сощурил глаза и провел взглядом по фигуре Надежды.

– Ой, что-то мне подозрительны такие взгляды, – пробормотала она и на всякий случай отодвинулась, волна тут же обдала ее, захлестнув почти с головой. Николай засмеялся.

– Ах, так! – Надя вскочила и, недолго думая, окатила мужа брызгами очередной набежавшей волны. Он замер, вытаращив на супругу глаза, дождался еще пару атак с ее стороны, и, наконец, поток воды двинулся ей навстречу. Она завизжала, отскочила. Миллионы соленых искр, будто сказочный дождь, посыпались на Надю, она хохотала, отворачивалась, пыталась убежать, но «дождь» настигал ее с новой силой. Это было восхитительно, легко и радостно, словно на миг вернулось детство – невинное, неповторимое, беззаботное.

– Больше не могу, сдаюсь! – закричала Надя и в изнеможении плюхнулась на песок. – Ты победил, – сказала она, когда муж поцеловал ее и сел рядом.

– Я с тобой абсолютно счастлив, ты знаешь об этом? – сказал он и положил ей руку на плечо.

– Приятно догадываюсь. Давай, проводим сегодня закат? Это первый наш закат в раю. Смотри, солнце уже коснулось воды. А потом оно все больше и больше станет уходить за край океана, и, в конце концов, утонет. Коленька, завтра утром ты спасешь из воды солнце?

– Попытаюсь, конечно, вот только придется для этого очень рано встать. А это небезопасно.

– Почему? – она так искренне удивилась, расширила глаза, что Николай не удержался и опять поцеловал ее. Ему вообще все время хотелось прикасаться к жене, ласкать ее, целовать, такого не было ни с одной женщиной, он не испытывал ни тяги, ни сильных эмоций и так привык к этому, что и не подозревал, что способен на иное. С Надей все по-другому.

– Так ты не в курсе, что происходит на Сейшелах ночью? – он притворно возмущился. – Как такое не знать?

– И что же происходит? – от нетерпения Надя заерзала.

– Я думал, что ты знаешь, – продолжал подтрунивать Николай, – это важно, очень важно.

– Ну, Коленька, не томи, говори! – Надежда дернула его за палец.

– Все не так просто, – он сосредоточенно смотрел вдаль и словно решал: сказать или нет?

– Во-первых, надо взять с тебя клятву, что ты никому не скажешь об этой тайне.

– Клянусь! – поспешно выкрикнула Надя. – А Вике можно? – тут же спросила она, на всякий случай.

– Виктории ни в коем случае, – строго сказал Николай, – нет никаких гарантий, что своими знаниями она не захочет поделиться еще с кем-нибудь.

– Хорошо, я буду молчать, – торжественно произнесла Надюша, – хоть это и нелегко.

– Все-таки я должен подумать, – Николай лег на песок, положил руки под голову, закинул ногу на ногу, уставился на вечеряющее небо.

– Пока ты будешь думать, я с ума сойду от любопытства. Тебе нужна жена с помешанным рассудком? – Надя перекинула ногу и села супругу на живот.

– Да, твоя угроза носит серьезный характер, – согласился он, по-прежнему глядя в небо, – придется все-таки рассказать, – он сделал паузу, – но предупреждаю, что это небезопасно.

– Я не боюсь, – Надя поймала тянущуюся к ней руку супруга и стала от нетерпения закручивать на ней пальцы...

– Уверена?

– Ну, Коля, хватит насмешничать! – Надя надула губы. – Зачем ты это делаешь?

– Наденька, ты так живо реагируешь, что я не могу удержаться, чтобы не пошутить. Кроме того, ты понимаешь юмор, это одно из твоих многочисленных достоинств, – сказал он и улыбнулся. Она в ответ – тоже.

- Так что же там все-таки за тайна? Что происходит ночью на островах?
- Это связано с пальмами «Коко-де-мер».

Надя кивнула, готовая слушать.

– У этих плодов необычная форма, кокос отчетливо похож на... ягодицы, он считается символом Сейшел. Вспомни, наше знакомство с этим уникальным плодом произошло практически с первых минут пребывания на островах – на визе, которую нам поставили в аэропорту, изображен Коко-де-мер во всей своей красоте. Но его пальмы ни менее интересны. Они разнополые. Женская, украшенная этим самым кокосом, достигает 24 метров в высоту, а мужская, в кроне которой прячется похожее на фаллос соцветие, растет до 37 метров. По слова местных жителей, во взрослом Коко-де-мер содержится вещество, служащее основой для... виагры. А как только солнце садится за горизонт, пальмы занимаются любовью, и тот, кто увидит, как это происходит, с рассветом умрет. И это вполне понятно – остаться в живых после созерцания такой картины смог бы не каждый.

Надя думала об этой легенде всю дорогу, пока шли до домика, потом, когда пили чай, а Николай планировал на завтра маршрут путешествия. Перед тем, как лечь спать, она все-таки не удержалась и спросила про Коко-де-мер: неужели пальмы и правда могут заниматься любовью? Они разнополые, а кокос получается, действительно, необычным. В связи с этим легенда похожа на правду. Николай засмеялся и объяснил, что на самом деле все гораздо прозаичнее и нет никакого волшебства: пальмы растут напротив друг друга и опыляются посредством ветра. Вот и все.

Надя так и знала: сказка слишком хороша, чтобы быть правдой. Она вздохнула и пошла спать.

Ночью ей снились огромные пальмы, они вальсировали по берегу, игриво помахивали листьями, а потом сплетались стволами. Им подмигивали звезды, и волновался ветер. Он что-то шептал, но Надежда не могла разобрать, пока не напрягла слух: «Нельзя! Нельзя смотреть, как пальмы занимаются любовью...» – сказал ветер.

Проснулась она внезапно, дернулась. В первую секунду не поняла, где находится, когда сообразила – обнаружила, что лежит аккуратно поперек кровати, одеяло где-то сбоку. Супруга рядом не было, не было его и в душевой, и на кухне.

Открыт балкон, Надежда накинула халат и вышла. Николай сидел в плетеном кресле, курил и хмуро смотрел вдаль, туда, где плескался ночной океан, а луна выкатилась на черный небосвод и кокетливо любовалась собственным отражением в воде.

– Ты огорчен? Это из-за звонка? – Надя вспомнила, что незадолго до того, как им лечь спать, звонил свекор и отчитывал сына – тот не доложил, что уехал из страны. Николай выслушал отца с ледяным спокойствием, скупой ответил на вопросы и положил трубку. Надя догадалась, что речь и о ней, а муж явно не желал обсуждать эту тему со своим отцом, тем более, в присутствии Надежды. Она, конечно, вышла из комнаты, но Николай все равно разговор закончил быстрее, чем хотелось отцу. Владимир Григорьевич Фертовский иногда забывал, что его сын – давным-давно не маленький мальчик и способен сам принимать решения, нести ответственность за свои поступки, да и вообще жить так, как он считает нужным. Диктат отца порой доходил до абсурда, это отмечали даже его коллеги, ну а студентов он третировал нещадно. Преподавал в Международном Институте иностранных языков, имел профессорское звание, писал научные статьи. И каждый раз с болью вспоминал свою неудавшуюся карьеру дипломата. Виновата в этом была его жена, вернее, бывшая жена. Милая девочка Соня...

– Я привык к тому, что отец так себя ведет, – помолчав, нехотя признался Николай.

– Ты так редко упоминаешь о своей матери. Ты о ней думаешь? Где она? – спросила Надя.

Он вздрогнул. Надюша словно мысли его читала. Нет, просто они становятся ближе друг к другу, поэтому и мысли могут совпадать. Так бывает.

– Как-нибудь потом поговорим об этом, хорошо? – Николаю не хотелось сейчас ворошить прошлое, хотя почему-то именно здесь, на Сейшелах, воспоминания просыпались уже не в первый раз. Несомненно, что это связано и с присутствием в его жизни Нади. Любовь делала его не только счастливым, но и обнажала его душу, тревожила сердце, пробивала его неуязвимость, которая ему раньше помогала существовать.

– Потом так потом, – согласилась Надежда, погладила мужа по волосам. Так прикасаться умела только она – ласково, трепетно. Говорила, что очень любит его волосы – кудрявые, густые, послушные. Такими волосами обладала его мать, только более светлыми.

– Я еще покурю, а потом приду к тебе, хорошо? – мягко попросил Николай. Сейчас он должен побыть один, Надюша не заслуживает того, чтобы ее вот сразу, с головой, окунать в воспоминания, еще не время. Сначала надо самому разобраться в себе. Он столько лет старался ни о чем не вспоминать, не думать и уж тем более, не анализировать. Он просто жил и все, жил, учился, работал, женился, заимел ребенка, развелся, полностью посвятил себя работе – стал снимать фильмы, потому что тогда ему это казалось интересным и престижным, а теперь решил опять серьезно заняться фотографией. Да, именно фотографией. Ему всегда нравилось это занятие, с самого детства...

Николай погасил сигарету, поднялся с кресла. Интересно, Надя уснула или все еще ждет? Ему вдруг захотелось, чтобы она не спала, посмотрела на него своими изумрудными глазами, обняла и сказала, что любит его больше всех на свете.

– Ты не спишь? – он заметно обрадовался, лег рядом, Надя тут же устроилась у него на плече.

– Мне хотелось тебя дождаться и убедиться, что с тобой все в порядке. Ты какой-то тревожный, что тебя гложет? Это связано с настоящим или прошлым?

– Маленькая плутовка, – Николай тронул кончик ее носа, – так ты ненавязчиво выуживаешь информацию?

– Ненавязчиво я всего лишь хочу тебе помочь.

– Скажи, что ты меня любишь, а потом поцелуй так, чтобы я забыл обо всем на свете.

– Это поможет? – спросила она с сомнением.

– Еще как! Это единственное, что мне помогает, исцеляет, придает смысл, позволяет быть счастливым. Ты мой ангел, мое спасение.

– Я люблю тебя больше всего на свете! – сказала Надя и прильнула к его губам. – Уже лучше? – она на секунду перестала целовать мужа. Он кивнул. – Никогда не слышала о подобной терапии.

– Есть такая и она очень эффективна, но это только начало исцеления. Не останавливайся, пожалуйста, – он прижал ее к себе, – тут важна не только страсть, но и непрерывность. Продолжай, я уверен в положительном результате.

– А вот так? – покрасневшая Надя откинула одеяло и принялась покрывать поцелуями его грудь, плечи, живот...

Глава 7

– Все-таки хорошо, что завтрак можно заказать прямо в домик, – сказала Надя, наливая чай.

– Угу, – отозвался Николай, зацепившись взглядом за статью в газете, принесенной вместе с завтраком – некий вариант необременительных местных новостей на английском языке, где последний лист украшен цветными фотографиями и рекламой.

– И чай у них тут особенный, ванильный. Никогда раньше такого не пила. Тебе нравится?

– Да, – ответил Николай, все еще читая статью. Какой же он очаровательный, когда на чем-то сосредоточен!

– Неправда ли, этот чай сочетается с... – она сделала паузу, сдержала желание прыснуть от смеха, – горчицей и уксусом?

– Конечно, – машинально подтвердил Николай.

– И ты бы пил его каждый день? И еще перчиком присыпал бы?

– Думаю, да, – Фертовский через секунду поднял глаза на жену. Та хохотала от души, закрыв ладонями лицо. Он несколько мгновений соображал, что веселого она нашла в его словах. Что-то там про чай...

– Я могу быть очень сердитым, – сказал Николай, сдвинув брови, – и наказать насмешницу.

– Наказать? Интересно, как? – Надя допила свой чай, ополоснула чашку, коварная, прошла мимо и намеренно задела мужа бедром, слегка, по-женски, едва коснулась, но он это почувствовал, так, что даже щеки вспыхнули под щетиной.

– Мы ведь сегодня собирались в Викторию? Экскурсия, между прочим, обещает быть интересной. Но кое-кто останется дома, – Николай едва сдержал улыбку, заметив реакцию жены. Она встала возле него, через секунду начала тихонько поглаживать его плечо, затем перешла к шее и подобралась к уху.

– Если я останусь дома, то тебе будет без меня скучно, – выдала шепотом.

– Придется мне с этим смириться, – также шепотом ответил Николай.

– Может, мы тему моего плохого поведения обсудим не здесь? Успешность деловых переговоров часто зависит от комфорта обстановки, удобства положения.

– Боюсь, что в данном случае потеряется объективность восприятия, и выиграют совсем другие чувства, нежели рассудок и логика. Нет, мне на этом стуле вести переговоры гораздо удобнее.

– В таком случае, я предпочту быть поближе к тебе, мы тогда быстрее пойдем друг друга и придем к полному согласию, – Надя облокотилась о стол так, что ее слегка прикрытая кофточкой грудь оказалась прямо перед глазами мужа. Были заметны кружева на белье, а крестик прятался в ложбинке.

– Кажется, ты применяешь запрещенный прием, – невозмутимо произнес Фертовский и все-таки посмотрел на вырез.

– Ничуть! Это просто тактика такая, – самым будничным тоном пояснила Надя. – Так что ты решил насчет экскурсии?

– А что ты говорила про комфортные условия переговоров?

Надя вышла из домика, сладко потянулась. Никогда она себя так хорошо не чувствовала, все в ней менялось: крепло желание видеть даже малейшие прелести этой жизни. Она, наконец, поняла, что такое быть любимой, она училась любить сама, забывая о своих страхах, боязни сделать что-то не так, ошибиться, она всегда была не уверена в себе и поэтому боялась потерять то, что имела. Рядом с Николаем она стала мыслить иначе. И это были не только восторг и страсть медового месяца, это было ее ощущение мужчины, человека, судьбы, которая стала к ней благосклонна.

– Надюша, я подумал, что до Виктории все-таки далековато, ты устанешь, – в дверях появился Николай, – давай возьмем напрокат велосипеды?

– Велосипеды? – удивилась Надя. – Идея заманчивая, но учти, я садилась на велосипед в последний раз лет пятнадцать назад. Именно и тогда я свалилась с него, летела с горки у тети в деревне. В последний момент у велосипеда еще и тормоза отказали. Грохнулась прямо возле торфяного болотца, тормозила всем, чем могла. Разбила колени и локти. Собралась толпа,

вытащили и велосипед, и меня, а тетке в панике сообщили: девка твоя разбилась и в болоте тонет.

– Но теперь ведь рядом буду я, – улыбнулся Николай.

– Хочу, чтобы ты всегда был рядом.

– Обещаю.

– Тогда мне ничего не страшно. Где прокат? Я готова быть и велосипедным туристом. У меня даже наряд подходящий, – она осмотрела свои бриджи, легкие парусиновые тапочки, поправила лямки на топике, и только сейчас заметила наряд супруга. – Какой ты милый в шортах! – смутила его этим возгласом.

– Ну да, если учесть, что мои ноги похожи на ершики для чистки труб, – пробурчал он и полез в барсетку за темными очками.

– Между прочим, хорошие ершики – незаменимое средство в хозяйстве.

– Между прочим, в прокате может и не быть двух подходящих велосипедов, многие ими пользуются, поэтому кто-то все же останется дома, – стараясь сохранить в голосе строгость, сказал Николай. Он нацепил на нос очки и теперь смотрел на жену через них.

– Молчу, характер мягкий, – обворожительно улыбнулась Надя. – Ты ведь подстрахуешь меня, когда я сяду на велосипед?

Оказалось, она вовсе и не забыла, как управлять этим замечательным транспортным средством. Кроме того, велосипед выбрали удобный и небольшой, не то, что у тетки был – старый, ржавый, без тормозов, седло расположено высоко. Здесь же все соответствовало нормам, Надя оттолкнулась и поехала. Муж несколько секунд наблюдал за ней, потом сел на свой – большой спортивный велосипед, обогнал Надю и поехал впереди.

Сначала дорога была гладкой и почти прямой, потом стали появляться пригорки и резкие повороты. Мимо проезжали машины, легко обгоняя велосипедистов. Из одного автомобиля две девочки радостно помахали Наде, а в другом мальчишка показал язык, в ответ получил то же самое. Велосипед резво мчался по дороге, блестел на солнце руль, а колеса шумно трещали от пластмассовых вертушек, закрепленных между спицами. Николай остановил свой велосипед на вершине довольно крутой горы, обернулся, Надя подъехала чуть погодя.

– Здесь, пожалуйста, будь аккуратнее! – Николай поднял очки на лоб и быстрым взглядом окинул велосипед жены, – когда поедешь, держи ноги все время на тормозе, сдерживай машину.

– Зачем? По-моему, я неплохо справляюсь, – хвастливо заявила Надежда. – А с горки слететь – настоящее удовольствие!

– Вот именно – слететь! – подчеркнул Николай, – осторожность не помешает. Придерживай машину тормозом, съезжай не торопясь.

– Но это же неинтересно!

– Зато безопасно. Ты хочешь получить травмы? В «медовый месяц»? – резонно заметил Фертовский.

– Нет, не хочу! – испуганно отозвалась она.

– Тогда слушай, что тебе говорят, – строго сказал Николай.

– Ты беспокоишься обо мне? Как это здорово! – она дернулась, чуть не выпустила велосипед из рук, схватила его в последний момент. Николай покачал головой. Вот девчонка! Неловкая, неуклюжая, нелогичная, но такая милая и трогательная в своей нелепости, она нуждается в его любви и заботе. – Николенька, мой дорогой! – в порыве чувств крикнула она, сделала рывок и полетела с горы. Ветер засвистел в ушах, она ощутила себя птицей, свободной в своем полете. Скорость была просто невероятной, велосипед рассекал воздух так, словно собрался взмыть в небо, к облакам.

– Ну, что скажешь? – Надя дала по тормозам, остановила велосипед и победоносно улыбнулась.

– Неоправданное лихачество, – сердито сказал Николай. – У тебя есть еще какие-либо качества, о которых я раньше не подозревал?

Надя подбежала к нему и быстро поцеловала в губы.

– Ты в этих очках, Николенька, смотришься, как бы сказать, стильно и соблазнительно, да и шорты подходят к этому образу. Мне очень нравится.

Он покачал головой: ну что с ней делать? Насмешница, да еще, оказывается, лихачить любит. Сюрприз один за другим. А он еще и сравнивал ее с первой женой. Да, Марго, конечно, не уступала в начитанности и уме, да и с юмором у нее все в порядке. Но и только. В ней нет, и никогда не было той живости и огня, тех эмоций и пылкости, которыми обладает Надя. А главное, что Фертовский уже в такой степени прочувствовал эту подзарядку на себе, что не мог допустить и мысли лишиться ее. Он вдруг поймал себя на том, что не помнит лица своей первой жены. Не помнит и все. Что-то расплывчатое, размытое. Маргарита...

Они встретились на дне рождения одной общей знакомой. Марго там оказалась случайно, привела подруга, с которой они учились вместе. Рита тогда жила в общежитии. А здесь подобралось общество сплошь из столичных мальчиков, на которых провинциальные девушки смотрели как на богов. Однако никто и не подумал в той ситуации, что они сойдутся – Коля и Рита, слишком разные. И тем ни менее, именно на нее он обратил внимание, может, потому что она, единственная из всех девиц не старалась казаться лучше, чем есть на самом деле. Сидела в кресле, танцевать не рвалась, громко не смеялась, в то же время не выглядела зажатой и смущенной. Она просто наблюдала за происходящим. Как и Николай. Они встретились глазами и ... ничего не произошло. Отвели взгляды одновременно и так несколько раз. Через некоторое время Николай заметил, что кресло, в котором сидела девушка, опустело. Она исчезла так внезапно и бесшумно, что ему почему-то стало жаль. Николай вышел в большой коридор и увидел эту девушку, кажется, ее звали Маргаритой. Она собиралась уходить. Неожиданно для себя Николай вызвался ее проводить. Всю дорогу они разговаривали, как два человека, которые знали друг друга очень давно. Тем, интересных обоим, было много. К тому же оказалось, что Рита читала в подлиннике Фолкнера, Уальда и Коварда, вот тебе девочка из провинции! У нее было отменное чувство юмора и удивительная выдержка во всем, а еще врожденное достоинство. Николай увлекся. Они встречались так часто, что Рите завидовали все подруги: она отхватила не просто столичного красавчика – у него была своя большая квартира, оставленная в наследство дедом. И неважно, что отец был против. Маргарита все равно опутала сыночка так ловко и быстро, что папенька и глазом моргнуть не успел. Но что самому Коле пришлось выслушать от отца, когда тот узнал о его девушке, нет, даже еще не невесте, и, тем более, не жене?! Отец случайно увидел их на улице. Они шли, взявшись за руки, о чем-то увлеченно разговаривали и не замечали никого вокруг.

В один из вечеров, во время ужина Николай сказал отцу, что хочет сделать ремонт в квартире деда и переехать туда. Отец со звоном, не сулящим ничего хорошего, швырнул вилку и нож, чем напугал домработницу.

– Ты собираешься там жить один? – выдавил из себя побагровевший Фертовский-старший.

– Нет, – ответил Николай, понимая, что все-таки придется ставить отца в известность. Все эти месяцы, что он встречался с Ритой, инстинктивно старался уберечь ее от своей семьи, особенно, от собственного отца. Конечно, Николай отдавал себе отчет в том, что рано или поздно отец узнает об их отношениях. Проблема не в этом, а в его реакции. Отец никогда не одобрил бы выбор сына, можно не сомневаться. Николенька всегда подчинялся ему, но, видимо, пришло время самому решать, что и как он должен делать.

Фертовский-старший сорвал салфетку с груди и уставился на сына взглядом-рентгеном. Он всегда так делал – действовало беспронизышно. Николай знал об этом.

– Я собираюсь там жить с девушкой, – выдал он, подумал пару секунд и добавил, – у меня серьезные намерения.

Это был ход конем. Отец стал похож на рыбу, которую вытащили из воды, без привычной среды обитания она потеряла ориентацию, уверенность и стала беспомощной и жалкой.

– Серьезные намерения? – прохрипела «рыба». – С этой деревенской девкой?

Николай понял, что отец все знает. И давно ли? Почему он тогда до сих пор не вмешивался?

– Что ты не сказал, я все равно сделаю так, как решил, – Фертовский-младший едва сдерживал улыбку. Его впервые веселила растерянность отца, такого всегда уверенного в себе, всезнающего, безупречного во всем, что он говорит и делает. Поведение сына так разозлило Фертовского-старшего, что разговор грозил перерасти в скандал. Николай впервые поступал наперекор отцу, это был первый и не последний, как показала жизнь, вызов. Ни один из доводов, сказанных в тот вечер, ни последующие их разговоры не убедили Николая изменить свое решение жениться на Рите. Отец расценивал этот поступок не как пылкую любовь сына, а как бунтарство, упорное нежелание поступить по воле родителя.

– Какая там любовь?! – возмущался Фертовский-старший, призывая на помощь свою сестру, но и она, пожимая плечами, говорила, что проще всего оставить мальчика в покое. Пусть делает, как считает нужным. Она еще не забыла, как пятнадцать лет назад ее самую старший брат отговаривал от брака, приводя те же аргументы: подумаешь, инженер из Ленинграда?

Николай и Рита подали заявление и поженились.

Глава 8

Велосипеды оставили на стоянке и решили гулять по городу пешком. Надя, держась за руку мужа, с неподдельным интересом и с особым удовольствием слушала, как он рассказывает. Похоже, что, побывав здесь с друзьями, он не только лежал на пляже и плавал в океане. Николай был активным и весьма любознательным туристом, который жаждал познать новое там, куда приезжал. В нем жила страсть к путешествиям. Надя это почувствовала, когда муж упомянул о своих поездках в Штаты, бывал он и в Европе, а Лондон знал как родной город. Кроме того, он на удивление хорошо переносил любой вид транспорта, а о самолетах говорил, что это замечательная возможность всего через несколько часов оказаться в другой стране, в другой культуре, путешествия расширяют границы восприятия.

Оказывается, в том, что выходишь замуж за человека, которого мало знаешь, помимо риска, есть еще и возможность его узнавать, при этом открывая для себя наличие качеств, о которых ты и не подозревала. И невероятно здорово – влюбляться в собственного мужа все больше и больше! А он шел рядом, то и дело поправлял рюкзак за плечом, рассказывал и поглядывал на Надежду из-под темных очков.

На улицах Виктории царил оживление. Николай и Надя прошли районы Бель-Эр, Се-Луи, миновали Президентский дворец, оказались на проспекте Революции. Здесь, на пересечении улицы Альберта и самого проспекта находились два светофора – еще одно свидетельство цивилизации. Светофоры – первые и единственные на всем архипелаге. Самое забавное, что час пик на этом перекрестке буквально и являлся часом – с 16.00 до 17.00 – здесь все забито машинами. В другое время все спокойно. Исключая, однако, последнюю субботу каждого месяца, когда люди со всего острова Маэ съезжаются в Викторину, чтобы растратить полученную зарплату. И у Нади была возможность в этом убедиться.

Пожалуй, сегодняшний субботний базар являлся самым крупным аттракционом. У входа опять стояла продавщица лотерейных билетов, за оградой царил радостное возбуждение.

Слева от входа располагался огромный прилавок, заваленный только что выловленной в океане рыбой. И если крупные тунцы и марлины уже разрезаны на куски, то морские петухи и рыбы-попугаи ожидали покупателей, перевязанные прочной тесемкой, чтобы их было удобнее нести; рядом лежали губаны, луна-рыба и еще много-много экзотических представителей морской фауны.

С интересом рассматривая их, спрашивая название и прицениваясь, Надя так увлеклась, что готова была начать покупать все, что ей предлагали. Однако вовремя остановилась, хотя возле тунца стояла долго.

– Я бы хотела приготовить рыбу исключительно для тебя, – Надя ласково посмотрела на мужа. Он терпеливо ходил с ней по рядам, не торопил, не ворчал, а когда жена торговалась – улыбался. Она была такая возбужденная, румянец во всю щеку, глаза горели. Креолы-торговцы охотно ей уступали, цокали языками и смотрели с нескрываемым восхищением. Похоже, Надюша понравилась не только таксисту. Ее популярность росла буквально у Николая на глазах. Пышнотелая белая молодая женщина, смешливая, общительная и доброжелательная. В какой-то момент он даже почувствовал укол ревности, это чувство было новым. Но, словно догадываясь о мыслях мужа, Надя взяла его за руку и повела дальше, к центру рынка.

Здесь, под развесистым манговым деревом, служащим для защиты то от солнца, то от дождя, на деревянных столах, покрытых вошеной тканью, продавали фрукты и овощи. За прилавками стояли женщины, в основном, темнокожие креолки в цветастых платьях и сарафанах, на деревянных ящиках располагались огромные плетеные корзины.

– Николенька, смотри, сколько бананов! – воскликнула Надя, завидев разложенные на лотке гроздья, по размеру и форме кардинально различающиеся друг от друга. Ими торговала пожилая полная креолка. Она затараторила по-креольски, Фертовский покачал головой и остановил поток цветистой и колоритной речи всего лишь одним вопросом. Торговка обнажила в улыбке молочно-белые зубы и перешла на английский. Она охотно рассказала, что на Сейшелах существует по крайней мере пятнадцать разновидностей бананов, даже с удовольствием перечислила некоторые из них – месье, миля, миньон, габу, сен-так, фиговый, таитянский, салегга, варвар. Потом она выдвинула корзину с саблевидными плодами манго и также бойко начала говорить и о них. Белый фисетт, периз, д’офине, додо, нинон – а какое из них вкусное пюре, приправленное растительным маслом, солью и стручковым перцем! А щербет из манго с обожженным бананом? Это же чудо!

В разговор вступила вторая торговка, помоложе, но не менее словоохотливая и бойкая, она показала ананасы совершенно гигантского размера, невиданных размеров плоды папайи. У следующей продавщицы в огромных плетеных корзинах лежали таких красивых очертаний тыквы, что закрадывалось сомнение – настоящие ли они? Надя не переставала удивляться богатству фруктового ассортимента: кокосовые орехи, плоды цитры, авокадо, дыни, хлебного дерева, жамалаки, карамболи, коросоли, сахарный тростник. Просто фруктовый рай, некоторые названия даже и не выговоришь. Как жаль, что всего нельзя купить! Глаза так и разбегаются. Купить не получится, но попробовать можно.

Наконец закончились фруктовые ряды, за ним оказалось несколько витрин с пряностями. Запахи: стручки ванили, коричные палочки, разные виды чая, гвоздика, перечное дерево. Здесь же торговали пузырьками с ванильным экстрактом, бутылочками с целебной вытяжкой из перечной мякоти и множеством натуральных настоек, вроде мазарово. Далее расположились торговцы почтовыми открытками, брелоками для ключей в виде кокосового ореха или стручков.

– А это что за здание? – Надежда указала на помещение, находящееся в самой глубине рынка.

– Ряды мясников-колбасников, – пояснил Николай, – говядина и свинина на островах очень дорогая, их покупают лишь для воскресных обедов. Хочешь зайти?

– Нет, – она покачала головой, взяла мужа за руку, – лучше пройдем вперед.

Они направились к маленькому бассейну с фонтанчиком. Несколько белоснежных элегантных цаплей, как часовые, замерли на своих длинных ногах на бортике бассейна. В следующий момент одна из них встrepенулась, взмахнула крыльями и перелетела в другое место.

– Устала? – спросил Николай, слегка прикоснувшись к волосам жены. Она какое-то время наблюдала за птицами, потом отвернулась, достала платок, вытерла испарину на лбу. Лицо ее покраснелось, вероятно, от непривычной жары, на рынке солнце ощутимо палило. А если учесть, что совсем недавно они уехали из глубокой московской осени, где уже несколько раз шел мокрый снег, то контраст очевиден, и акклиматизация проходит сложнее.

– Немножко, – призналась Надя, – давай выйдем на улицу? – она посмотрела на Николая. Просто не верилось: рядом мужчина, о котором она не смела и мечтать. Девичьи фантазии, сладкие грезы? Сказки о принцах? Она давно перестала верить в это. Есть реальные люди со своими достоинствами и недостатками. Их можно принимать или нет, просто закрывая дверь, уходя и не оборачиваясь. Но судьба-насмешница иногда дает второй шанс, повторный виток жизненной спирали, и тут главное – увидеть, понять, осознать. Странное ощущение – познавая Фертовского, она познавала себя.

Глава 9

Вышли за ограду рынка, оказались на Маркет-стрит – главной артерии города, о чем свидетельствовала 50-метровая пешеходная зона и три пальмы, окруженные кольцом скамеек, на одной из них и решили отдохнуть. Надя выпила купленный мужем прохладительный напиток, сняла обувь и, поджав ноги, уселась на скамье. Николай, молча, наблюдал за женой. Еще ни за одной женщиной ему не нравилось так наблюдать, хотя на его веку – фотографа и оператора – было предостаточно возможностей видеть женщину со всех ее сторон. Но Надя была ни на кого не похожей, и он получал особое удовольствие, когда на нее смотрел. Ему нравился ее каждый жест, движение, поворот головы, выражение чувств и эмоций. Он восторженно удивлялся: что же такого она сделала, что он так влюбился? Влюбился по-настоящему, практически потерял голову и обрел крылья. Эта романтическая чепуха его впервые радовала и умиляла. И еще, он чувствовал настоящую страсть, невероятное сексуальное желание.

– Все, я отдохнула, – сказала Надя, опустила ноги, стала обуваться, – если ты готов, продолжим прогулку? Почему ты так на меня смотришь?

– Как? – он сдержал улыбку. Сидел, расслабленно вытянув длинные ноги, очки были подняты на затылок, рубашка расстегнута на пару пуговиц больше, чем утром.

– Как? – Надя задумалась, подбирая слова, – загадочно, необычно, не знаю, как! – она пожала плечами. – Ты о чем-то там думаешь?

Он кивнул, поджал губы, стараясь не улыбаться. Жена была смущена и заинтригована.

– Ты что-то подумал обо мне? Скажи, пожалуйста!

Николай отрицательно помотал головой, надел очки, потянулся за рюкзаком. Надя попыталась перехватить его руку, но промахнулась и чуть не кувырнулась через скамью. В следующую секунду оказалась на коленях мужа. Сквозь дымчатые стекла очков на нее близко смотрели его насмешливые глаза цвета гречишного меда.

– Ребенок! За тобой, оказывается, еще нужен присмотр, – сказали его губы, на подбородке небольшой кустик плохо выбритой кожи, заметный только на близком расстоянии.

– Да, – быстро согласилась Надя, – поэтому, – она задумалась, – поцелуй меня, – выдала требовательно, словно желала получить компенсацию.

– Мы в общественном месте, – мягко напомнил он.

– Мы – молодожены, – возразила она.

– На нас все смотрят.

- Мы в тени и за большой пальмой.
- Я не целуюсь на улице.
- А я целуюсь там, где мне хочется. И даже под лестницей, в пыли, между старыми ящиками. Главное, не где, а с кем.
- Неужели? – совершенно искренне удивился он. – И позволь узнать, с кем же ты целовалась под лестницей, в пыли, да еще между старыми ящиками?
- О таких вещах обычно не распространяются.
- Но я-то могу знать? У меня есть все-таки некоторые привилегии.
- И какие же?
- А вот какие! – он прижал ее к себе и поцеловал. – И что ты скажешь на это? – он оторвался от ее губ.
- Целоваться в общественном месте неприлично, – перевела дыхание она.
- Мы в тени и за большой пальмой, – ответил Николай.
- Я никогда не целуюсь на улице, – Надя передразнила его и в смешной гримасе наморщила нос.
- А я целуюсь и еще как! – он опять впился в ее губы.

– М-м-м-м, кажется, на нас смотрят, – Надя, нацеловавшись, спрыгнула с коленей мужа. Недалеко от их скамьи стояла худенькая сгорбленная старушка и внимательно смотрела, как они целовались. Надежда смущенно хихикнула, поправила волосы, кофточку и, проходя мимо, извинилась по-английски. Креолка неожиданно улыбнулась тонкими бескровными губами, и, прижав к себе сплетенную из листьев вакоа сумочку, поковыляла к рынку.

– Как мило! Нас не осудили, – сделала вывод Надя.

– Знаешь ли, в определенном возрасте иногда приходит мудрость, – заметил Николай, – кроме того, подозреваю, что этой пожилой леди вспомнились самые романтические моменты ее жизни. Кстати о мудрости, давай зайдем в один универмаг?

– Универмаг? – удивилась Надя. В последнее время это понятие как-то выпало из жизни. Скорее, супермаркет, торговый центр или просто магазинчик, но не универмаг, тем более, муж почему-то связал его с мудростью.

– Конечно, универмаг «Дживан». Там продают множество товаров, но, прежде всего, люди приходили туда познакомиться с самим хозяином. Уникальный был человек – Кантилал Дживан Шах. Его семья сто лет назад приехала на Маэ из Бомбея. Этот человек, помимо того, что являлся коммерсантом, историком, художником, натуралистом, активистом-экологом, был просто кладезью премудрости. Мудрец Индийского океана. К нему приходили познакомиться и выдающиеся люди и просто туристы. Он еще был и хиромантом. Зайдем в его магазин?

– Конечно! – глаза Нади загорелись.

Универмаг «Дживан» оказался в самом конце улицы. Николай толкнул дверь. У Надежды от удивления перехватило дыхание: в магазинчике, кроме множества ярких рулонов тканей, где всю суетились женщины, не зная, какому цвету отдать предпочтение, в глубине помещения находилась огромная коллекция сейшельских раковин, а на полках среди книг были и книги на русском языке.

Народу в магазине было очень много. Посетители, увлеченные разглядыванием раковин, долго стояли возле витрин, переговаривались на разных языках. Николай обнаружил альбом и с интересом принялся разглядывать в нем фотографии подводных съемок. Надя остановила свой взгляд на одной из самых больших раковин. Она так увлеклась разглядыванием этого шедевра природы, что не заметила, как подошел муж.

– Жаль, что хозяин магазина не дожил до нашей поездки, – сказал Фертовский, вздохнул, – я бы хотел поблагодарить его еще раз. Когда я здесь был раньше, имел удовольствие позна-

комиться с мудрецом лично. Он тогда произнес несколько загадочных фраз, смысл которых я понял только теперь.

– Это касалось твоей личной жизни?

– Практически, да. В тот момент я, конечно, не осознавал, более того, не верил ему. Гадание по руке, пристальный взгляд черных глаз, словно гипноз, необъяснимое ощущение нереальности происходящего, этот магазин – будто маленькая Индия посреди Сейшел, которая, кроме своего колорита и самобытности, принесла с собой свою магию. Я по натуре прагматик, я подвергаю очень многое сомнениям и даже осмеянию. Но после разговора с Кантилалом я хоть и мало понял из его пророчеств, но ушел каким-то просветленным, обрел легкость, ощутил равновесие внутри себя. А еще... желание жить. Жить для чего-то или кого-то. Наверное, я должен был ждать именно тебя.

– А я – тебя, – она улыбнулась, – кажется, мне не стоит сожалеть, что я не удостоилась услышать предсказания индийского мудреца, ведь я вознаграждена и мне не надо большего. А если в будущем нас ждут какие-то испытания, то я предпочитаю о них не знать. Пусть все идет своим чередом.

– Мудрая моя! – Николай взял жену за руку. – Что тебе купить на память об этом магазине?

– Отрез этой замечательной ткани, смотри, какие переливы и всевозможные оттенки зеленого! А тебе, давай, купим ту самую книгу с фотографиями, что ты так долго крутил в руках?

– Она довольно дорогая, – заметил Фертовский.

– Кроме общих денег у меня есть кое-что, отложенное именно для таких неожиданных подарков. Я хочу купить эту книгу для тебя.

– Я люблю тебя, – прошептал он одними губами.

– Я – тоже! – она подмигнула и отправилась платить за книгу.

После еще одной прогулки по центру столицы островов Надя и Николай вернулись на Маркет-стрит. Магазины сувениров, лавочки, но самым замечательным здесь была художественная галерея местного живописца и дизайнера Жоржа Камиля – офорты, акварели, батик. Николай заметно оживился, особенно при виде акварелей. Надя и не подозревала, что ее муж так любит живопись. Хотя фотограф чем-то близок к художнику. Она как-то раз сама назвала Фертовского художником, мастером света и тени, но сказала это, скорее, ради усиления эффекта своих слов, попытки донести свою мысль более выразительно. Однако попала в точку – муж обожал живопись.

Оказывается, он еще в прошлую свою поездку посещал все художественные галереи Виктории, так много знал о местных художниках и их стилях, что Надя была поражена в очередной раз. Здесь ей открывалась еще одна его сторона. А муж тем временем охотно и не без удовольствия посвящал ее в детали живописи Сейшел.

Среди мастеров, занимавших на островах прочные позиции, Николай упомянул Майкла Адамса – сына британского плантатора из Малайзии. Он просто мэтр сейшельской живописи. Его пламенеющие полотна привлекают многих зарубежных художников. Они полны игры красок и форм, показывают острова во всем их блеске и порой написаны в фантазмагорической манере. Глядя на них, думаешь о том, какое же счастье жить в этом раю! Адамс создал школу и имеет вполне успешных учеников, многие из которых отошли от фигуративного стиля мэтра. Так Марк Люк, выбравший импрессионизм, использует крупные, широкие мазки, создающие впечатление движения и жизни. Леон Радегонд пишет коллажи. Серж Руйон носит звание

фовиста² за его агрессивность. Краски сверкают на его полотнах, взгляд художника обращен в большей степени вглубь островов, нежели к берегам. Руйон также и талантливый портретист.

Николай с особым удовольствием вспомнил о своей поездке на остров Праслен, где в галерее «Кафе искусств» видел акварель Кристины Гартер. Бывшая учительница рисования в колледже, она предпочитает показывать сцены повседневной жизни: играющих на улице детей, старушку в соломенной шляпке, сидящую на ступеньках крыльца своего дома, беседующих на рынке рабочих. В акварелях Гартер преобладают смягченные зеленые и голубые тона, которые просто дышат красотой и покоем.

– К сожалению, – закончил рассказ Николай, – большая часть сейшельских художников не живет своим искусством, они совершенно не умеют продавать свои полотна. А то, что представлено в обеих галереях, лишь небольшое из огромного количества картин сейшельской живописи.

– Откуда ты столько знаешь о художниках, живописи? – не удержалась от вопроса Надя. У мужа прямо глаза горели от восторга. Они вышли из галереи, а он все еще рассуждал о картинах.

– Ну, мне это нравится, – неопределенно отозвался Николай.

– И только? – засомневалась она.

– Здесь, напротив церкви Святого Павла есть чудесный магазинчик сладостей, – ушел от ответа Фертовский, – это просто грех чревоугодия. Зайдем? Там свежее домашнее печенье, итальянское мороженое, клубничное и ванильное, местные чипсы, банан и маниока, как раз сегодня большие сладкие пироги «китч», они считаются праздничными.

– Ой, как заманчиво! – обрадовалась Надя. – Правда, мне все это противопоказано. Я сама как пирожок.

– Мой любимый пирожок, – он обнял ее за талию. – Так мы идем туда?

Ну, конечно, войдя в магазин, Надя забыла о своих обещаниях, клятвенно данных себе, не злоупотреблять сладким.

Глава 10

Надя проснулась среди ночи. Окно спальни было открыто настежь, лунный свет лился на полупрозрачные шторы, которые, руководимые ветром, вальсировали. Ночь-то какая! На небе, черном, как вороново крыло, меж мерцающих звезд был виден Млечный путь. То и дело слышался приносимый ветром рокот волн. Океан этой ночью бодрствовал как никогда. Волны ударялись о берег, с шипением увлажняли белый песок, откатывали назад, притихшие и смиренные.

Шумели и деревья на ветру, где-то вдруг запела птица, да так искусно, что Надя стояла, боясь пошевелиться – не спугнуть бы. Птица своим тоненьким голоском прямо мелодию выводила, в котором по всем законам музыки был ритм, припев. Интересно, о чем поют птицы? О приходе весны, о тепле? Ну, это в странах, где зима. А здесь, на островах, где не бывает зимнего холода? Они поют о любви!

Наде захотелось увидеть эту чудесную птицу, трели раздавались совсем близко. Накинув на рубашку шелковый халат, Надежда вышла из дома, прислушалась: пение птицы раздавалось со стороны тропинки, ведущей вглубь сада. Она была узкой, петляла между густым и высоким кустарником. В некоторых местах Наде пришлось даже раздвигать ветви руками. Пение птицы становилось все громче. Где-то здесь... Певунья должна быть очень красивая.

Надя раздвинула еще несколько веток и вышла на поляну. Птица так неожиданно замолчала, что Надежда озадачилась: либо она ошиблась и пошла не туда, либо ночная птица про-

² Фовизм в живописи характеризуется яркостью цветов и упрощением формы.

сто улетела? Как обидно! Словно упустила что-то важное. Шла, уверенная, что все делает правильно, оказалось – опять неверный ход. Надя развернулась и хотела идти к дому, но что-то зашуршало за ее спиной, да так громко, что она поспешно обернулась. Такого не видела никогда: огромное количество бабочек, целое облако, были необычного изумрудно-зеленого цвета, а кончики изящных крыльев словно обшиты черным ажуром, на котором искрились точки-бусинки. От бабочек исходило желтое сиянье, переходящее в голубые разводы, которые пересекались паутиной переплетенных между собой зеленых нитей. Затаив дыхание, Надя наблюдала за бабочками, они кружились в веселом хороводе, словно крошечные фонарики. Потом вдруг собрались в один светящийся шар, который поплыл по поляне. Не раздумывая, Надежда поспешила за шаром, который с каждой секундой двигался все быстрее, пока не достиг края поляны. Словно в сказке раздвинулись ветви больших деревьев, и Надя с изумлением обнаружила беседку, которая была сплошь увита трепетно тянущимися друг к другу тонкими лианами. Они любовно сплетались в немыслимые узоры, украшенные мелкими цветами.

Шар опять распался на сотни бабочек, которые шумно опустились на крышу беседки, покрыв ее живым ковром своих крыльев и усиков. Надя от восторга ахнула и вошла в беседку.

Внутри на ее стенах горели крошечные светильники, излучая мягкий розовый цвет. В центре беседки находился круглый столик на резной ножке, на нем – подсвечник, свечи, глиняный кувшин, чернильница с пером и клетка с птицей.

«Неужели та самая певунья?» – подумала Надя и обрадовалась. Правда, сейчас птица молчала. Надя, стараясь двигаться бесшумно, подошла ближе. Птица, наклонив набок голову цвета оранж, смотрела на Надежду глазами, которые были словно обведены коричневым карандашом. Оранжевая грудка птицы постепенно меняла цвет к желтому. Крылья имели цвет молочного шоколада, в котором определенным рисунком проглядывали красные перья, более мелкие. Птица смело смотрела на Надю и по-прежнему молчала. Появились сомнения: та ли это птица? А может, в клетке она не поет? Недолго думая, Надя открыла дверцу клетки, предоставив птице свободу выбора. Пернатая, перебирая розовыми лапками с острыми коготками, стала двигаться по жерди, приблизилась к открытой дверце и выскочила на волю. Взмахнула крыльями и, вместо того, чтобы улететь, исчезнуть из виду, закружила по беседке. Тоненькое «фью-ить» раздавалось у Нади над головой всякий раз, когда птица пролетала именно над ней. Надежда взяла со столика кувшин и рассмотрела его – ничего особенного, просто глиняный сосуд, на горлышке орнамент в виде цветов, самых незамысловатых. Чернильница с пером – она явно старинная, отделка изящная, наверное, из какого-то особого камня, на шлифовальных плоскостях, словно тропинки в лесу, заметны витиеватые белые прожилки. Чернильница полная, да и на кончике пера видны следы, словно писали совсем недавно. Но на чем? Ни бумаги, ничего подходящего для письма не видно.

Птица перестала кружить и добровольно вернулась в клетку.

– Что же ты? – удивилась Надя. – Вот глупышка! Нет ничего дороже свободы.

– Сердце тоже иногда предпочитает плен свободе, – раздался голос, Надежда вздрогнула, резко обернулась. В беседку снаружи через вход повалили белые клубы. В облаке дыма показалась фигура. От страха Надя стала пятиться, пока не наткнулась на столик, он накренился, и кувшин, потеряв равновесие, упал, откололся кусочек горлышка.

– Ой, простите! – Надя даже взмокла, тщетно попыталась приладить осколок на место.

– Не трудись, – фигура буквально выплыла из дыма. Это оказался небольшого роста старик. Одет он был во все белое. Подошел к Наде, взял из ее рук кувшин. От страха она не осмелилась посмотреть ему в лицо, просто опустила голову и ждала. Неожиданно птица опять вылетела из клетки, сказала свое «фью-ить» и села на плечо загадочного человека. Надя невольно подняла голову, посмотрела на человека. У него были ласковые цвета темного шоколада глаза, улыбка мягкая.

– Это всего лишь кувшин, – тихо сказал старик, глаза его и голос его завораживали, – хотя и символизирующий мудрость, ее накопление.

– Но я его разбила, – прошептала Надя, – я неловкая.

– Это не так, – старик протянул ей кувшин – целый, больше не было отломленного горлышка, – запомни, нельзя себя обвинять во всем, что происходит вокруг. Ты не должна отвечать за то, в чем ты не виновата. Крест на плечах и так тяжел. А ты обрекаешь себя на чужие муки, Надин, – он произнес ее имя на восточный манер, так ее никто не называл. Надя вдруг вспомнила старика в православном храме, его наставления. Тогда его слова помогли ей понять, в ком же ее счастье, счастье женщины. Но то был старец, священник. А здесь? Ведь здесь Сейшелы... И старик другой совсем. И что же дальше?

– Кувшин – накапливаемая мудрость, но ведь он пустой? – осмелилась спросить Надя. Старик смотрел на нее с теплотой.

– Разве пустой? – удивился он и во второй раз протянул Наде кувшин, который теперь был полон водой до краев, прозрачной, чистой.

– А перо и чернильница? – кажется, она уже перестала чему-либо удивляться. Стало просто любопытно.

– Перо и чернильница – чтобы писать свою судьбу. Каждый из нас ее пишет.

– А эта птица – мое сердце? – догадалась Надя.

– Да, – подтвердил старик, – когда оно счастливо – птица поет, когда печально – она молчит, для птицы есть и свобода, и клетка.

– Как не потерять счастье?

– Ответа на этот вопрос не существует. Просто цени то, что имеешь, будь внимательна к себе и другим, вокруг столько знаков. Люби искренне и трепетно, пока имеешь дар, – сказав это, старик развернулся и направился к выходу.

– Какой дар? – крикнула Надя. – Какой?

– Один неверный шаг, и появится женщина с небесным именем. Она уничтожит птицу...

Надя резко повернулась к клетке – певунья лежала бездыханная.

Надежда вскрикнула и проснулась.

Глава 11

Ночь была глубокой, до рассвета еще далеко. Вдали по-прежнему шумел океан. Надя провела рукой по постели – пусто. Муж опять не спал. Неужели бессонница? Вот уже вторую ночь она просыпается, а Николая нет рядом. Они вчера целый день были в Виктории, столько ходили, ездили, ощутимо устали. Даже ужинать не захотели, ограничились фруктами. Николай принял душ сразу после Нади, лег рядом, чмокнул ее в щеку и почти сразу уснул. Получается, спал всего пару часов.

Надежда поднялась с кровати, теперь уже знала, где искать мужа. И, правда, он опять сидел в кресле на балконе, на столике рядом – папка небольшого размера. В одной руке Николай держал карандаш, в другой – лист бумаги, прикрепленный к картону. Уверенными движениями Фертовский делал наброски, он рисовал! От удивления Надя не смела шелохнуться. До сегодняшнего дня она не подозревала, что муж умеет рисовать. Фотографировать – да! Снимать фильмы – да! Но рисовать?! Вот откуда столько он знал о художниках, стилях, направлениях. Это не просто интерес обывателя.

– Привет, – тихо сказала Надя, стараясь его не испугать. Погруженный в свое занятие так глубоко, он при ее словах все равно вздрогнул, потом смутился, даже покраснел, румянец залил обе щеки.

– Я думал, ты спишь, – сказал Николай, словно оправдывался.

– Я думала – ты тоже. Что-то случилось?

– Почему ты так решила?

Она пожалала плечами. Не хотелось его пытаться, заставлять что-то в свое оправдание придумывать, не хотелось лезть в душу. Если будет в том необходимость, муж сам расскажет, поделится. Он отложил в сторону рисунок.

– Иди сюда, – похлопал себе по коленям. Надя послушно села, обняла его за шею. Николай выглядел утомленным, мелкие морщинки возле глаз, даже обозначились темные круги.

– Ты плохо спишь здесь, на Сейшелах, – заметила Надя, – бессонница?

– Скорее, просто акклиматизация, – отмахнулся он.

– Я люблю вот эту родинку, – она прикоснулась к коричневому пятнышку на шее возле мочки его уха. Николай улыбнулся.

– А я люблю тебя всю, каждую родинку, впадинку, твои пальчики, твои изгибы и линии. Смотри, – он протянул руку к папке и вытащил из нее несколько рисунков. Оказывается, успел их уже сделать за эту ночь. На рисунке, что был сверху, простым карандашом была изображена спящая женщина, ночная рубашка во сне сбилась и оголяла одно бедро, волосы были спутаны и закрывали часть лица.

– Так это же я? – удивленно воскликнула Надя. – А когда ты меня рисовал? Сейчас? Ты смотрел и рисовал?

– Нет, по памяти, – отозвался Николай.

– Невероятно, я не знала, что ты так умеешь, – Надежда хлопала глазами, – ты никогда не говорил, что ты еще и художник.

– Я не художник, – он покачал головой, – я никогда этим не занимался профессионально.

– Да? – она отложила рисунок и внимательно посмотрела в глаза мужа. Он их чуть прищурил, делал это в моменты, когда нервничал или переживал.

– Да, – облизал губы, – просто меня учили в детстве рисовать. Когда мы жили в Лондоне, – замолчал, отвел взгляд.

Надя терпеливо ждала. Прошлое мужа, вернее, его жизнь в Лондоне, была для нее чем-то загадочным, он, всякий раз упоминая об это отрезке своей судьбы, менялся в лице, рассказывал мало. И это не потому, что он не доверял Наде, нет, он и сам не хотел ворошить прошлое, заново окунается в него. Значит, были причины и, наверное, веские. Она ощущала сердцем, женским.

– Все началось с фотографий, – наконец стал пояснять Николай.

– С фотографий? – удивилась Надя.

– Да, тогда пошла мода на это увлечение, – его волнение выдавал лишь карандаш, который он крутил между пальцами, – открывались фотостудии, много частных. Устраивались выставки. В тот год проходил какой-то крупный фотоконкурс, в котором англичане заняли первое место. Моя семья решила, что одним из гениев фотосъемки стану я. В угоду моде.

– Так решил твой отец? – уточнила Надя. Что-то не верилось, что Фертовский-старший шел на поводу у модных тенденций.

– Нет, конечно, он был против, не считая это занятие серьезным, скорее, хобби. На обучении настояла моя мать, ей очень хотелось сделать из меня великого фотографа. – Николай опять замолчал. Так или иначе, все воспоминания о жизни в Лондоне сводились к ней, к Софье Фертовской.

Видя выражение лица мужа, Надя уже пожалела, что затеяла весь этот разговор. Не надо стучать туда, где дверь заперта. За ней могут оказаться чужая боль, тягостные воспоминания и незажившие раны.

Надежда взяла папку с рисунками в руки, стала смотреть. Удивительное дело, но у Николенки вопреки его убеждениям, был талант, настоящий. Конечно, многое отражено схематично, трудился самый простой карандаш, но линии такие уверенные, штрихи точные, сама суть схвачена. Вот «коко-де-мер», рядом две пальмы, ветер щекочет им листья, рядом плоды.

Вот закат, океан, солнце выглядывает из-за перистых облаков. Как, наверное, здорово это будет в красках! А вот лицо старика...

– Кто это? – Надя от напряжения памяти сдвинула брови. Лицо человека было ей знакомым: темные миндалевидные глаза.

– Кантилал Дживан Шах, – пояснил Николай, – тот самый индийский мудрец, хиромант, владелец универсама.

– Я его видела, – сказала Надежда.

– Нет, ты не могла его видеть. Кантилала нет в живых, – покачал головой Фертовский.

– Он мне приснился, – Надя от волнения даже спрыгнула с коленей мужа, – перед тем, как я нашла тебя здесь, на балконе, я видела сон. Там был этот человек, – она прошла в комнату, все еще держала в руках портрет, включила свет. – Абсолютно точно! Я видела его во сне. Он даже со мной разговаривал.

– Неужели? – Николаю не верилось. Он прошел в комнату вслед за ней. Надя задумалась.

– Разбитый кувшин, перо судьбы, птица... – Да, птица! Мудрец сказал, что птица – это мое сердце. И что я должна быть осторожна, иначе женщина с именем... Каким? Не помню! Ах, он сказал, что птица может погибнуть из-за этой женщины. Ничего не понимаю, – Надя села на кровать, Николай – рядом.

– Не переживай, это всего лишь сон. Мой рассказ о Кантилале произвел на тебя сильное впечатление, – он обнял ее, – обещаю, что я всегда буду рядом и не дам ни одному тревожному сну тебя беспокоить.

Надя доверчиво прижалась к мужу. Он нежно поцеловал ее.

– Как хорошо, что мы с тобой тогда встретились в театре, – вспомнила она.

– В Ленкоме?

– Да, именно там я увидела тебя совсем другим.

– Ты так думаешь? – усмехнулся он. – Но я ведь не изменился с того момента, как ты... – он запнулся.

– Отказала тебе?

– Ты дала мне ясно понять, что не испытываешь и малой доли того, чего я желал бы. Моя самоуверенность сыграла со мной злую шутку.

– Ты действительно был огорчен? Неужели я так тебе нравилась?

– Неразумно было бы отрицать очевидное.

– Честно говоря, там, в Беляниново, мне это не казалось очевидным. И твое признание, ну, если не явилось полной неожиданностью, то удивило меня. Хотя предположения и домыслы Виктории сводились к тому, что ты равнодушен ко мне, однако я в это мало верила. Нет, совсем не верила. Я была убеждена, что фактов «против» гораздо больше. Пока ты не признался, выложив все начистоту. Ух, как я тогда разозлилась! – Надя хитро прищурилась, теперь вспоминать те времена было приятно, они оба находили в этом удовольствие – каждый свое. Надежду грела мысль, что уже тогда такой, как Фертовский, влюбился в нее, искренне переживал, даже боролся со своим чувством, а она не замечала. Николай же, несмотря на ее отказ и выказанное презрение, с особой нежностью вспоминал те моменты, когда Андреева оказывалась рядом, и ему предоставлялась хотя бы малейшая возможность познавать ее, быть в ее обществе, даже спасать из неловких ситуаций, в которые она имела обыкновение попадать. Его непреодолимо тянуло к ней, и не только на уровне физиологии, он ощущал, что нужен ей, просто необходим. Ощущал это, не отдавая себе отчета, где-то на уровне подсознания. Впоследствии это чувство укрепилось, как и любовь. Увидев Надю в театре, после нескольких месяцев разлуки, он убедился, что ничего не забыл, не перестал чувствовать и что, возможно, желает быть с ней больше, чем когда-либо. Ему стоило некоторых усилий вести себя по-прежнему сдержанно и ни единым взглядом не выдать своих мыслей и желаний.

Глава 12

Утром проснулись поздно, решили сегодня никуда не ездить, а пойти на пляж и весь день лениться.

– Мне очень понравились твои эскизы, – сказала Надя, когда они пришли на пляж, сегодня тут было безлюдно. Надежда увидела океан и вспомнила о пейзаже на рисунках мужа, – ты сказал, что учился рисовать у профессионала?

– Да, – это правда, – закивал головой Николай, – Алессандро Корсо. Знаешь, с этим человеком связаны, пожалуй, самые светлые воспоминания моего детства и юности, – Николай сел на теплый песок, вытянул ноги, закрыл глаза очками и подставил солнцу лицо. Надя устроилась рядом.

– Пожалуйста, расскажи о нем? – попросила она. Кажется, муж сегодня настроен благодушно и готов делиться своими воспоминаниями.

Корсо утверждал, что один из главных принципов художника – находить с миром общий язык. Нельзя смущать, тревожить или разозлить мир. Свое творчество он называл фотоанализом. В свое время он объездил весь мир, снимал японские сады, французские провинции, американские атомные станции, петербургскую скульптуру. Это принесло ему неплохой доход, что позволило открыть фотостудию в родной Италии, весьма солидную по тем временам. Он работал на несколько серьезных журналов, делал иллюстрации к дорогим изданиям, ему помогал племянник.

Корсо был уникальным человеком, он умел искать и находить значение и смысл даже в самом малом, он без устали восхищался красотой окружающего мира, его гармонией. Он был бесконечно добр, мягок, любил людей и доверял им. Не имея собственных детей и так и не женившись, он считал племянника своим сыном. Тот в один прекрасный день «перешел» дяде дорогу, в результате дом и прекрасно оборудованная студия Корсо стали принадлежать ушедшему родственнику. Он и все заказы перевел на себя, и украл все деньги со счетов. Алессандро остался без жилья и средств к существованию. От пережитого потрясения он заболел и, наверное, все это кончилось бы трагично, если бы не его давний друг и почитатель таланта, приехавший в Италию по делам. Он нашел Корсо в весьма плачевном состоянии и, недолго думая, увез его в Лондон.

Вскоре в одном из районов столицы Королевства открылась маленькая фотостудия. Второй этаж служил Алессандро Корсо жилищем. Он набрал учеников и взялся обучать их своему ремеслу. В свободные часы он стал рисовать, самозабвенно, увлеченно. Он скучал по своим полотнам там, в Италии, а ведь когда-то считал себя посредственным художником, никогда не чувствуя удовлетворения от того, что писал на холсте. Такое недовольство собой привело к тому, что во времена проживания в Италии он навсегда запретил себе заниматься живописью и занялся фотографией.

Теперь живя в Лондоне, он считал, что предал свое настоящее призвание, предал самого себя. Он перестал быть художником в тот самый момент, как заработал первые свои деньги за умение фотографировать... Поэтому все и потерял. Значит, наказание было справедливым. Можно обмануть других, но не себя. Однако здесь, в Лондоне, его положение было сложным: чужая страна, чужие люди, он поклялся, что вернет другу все занятые деньги. Надо работать, надо только работать. А картины? Никто не запрещает писать их в свободное время...

Вместе с Колей Фертовским к Корсо ходили учиться еще два мальчика, они были местными, чуть постарше, и делали вид, что его просто не замечают. Сначала учитель относился ко всем одинаково, никого не выделял, терпеливо объяснял теорию, ее техническую часть. Показывал всевозможные альбомы, обложки, указывал на ошибки и недостатки, восхищался удачными композициями: свет, тени, краски, сочетания и оттенки, полутона. Он пояснял, что

и как надо делать, чтобы поймать лучший момент в движениях, сравнивая это с ловлей удачи за хвост. На первых занятиях Коля Фертовский даже побаивался этого человека, его горячности, азарта, быстрой речи, смысл которой он улавливал с трудом. Мистер Корсо был итальянцем, по-английски говорил с акцентом, все время разбавляя речь итальянскими высказываниями. Он, несмотря уже на немолодые годы, шустро передвигался по студии, суетясь и размахивая руками. Носил старомодный темно-синий пиджак, под ним светлая рубашка, на шее вместо галстука завязывал артистический бантик. Волосы черные с проседью, все время откидывал назад и почесывал макушку. Когда удивлялся, расширял карие, как две черешни, глаза под густыми бровями. Улыбку прятал в усах и аккуратной маленькой бородке. Но иногда мог замолчать на полуслове, и тогда Коля ощущал его грусть, словно примерял на себя. Со временем он в полной мере увидел в своем учителе доброту и мягкость, искренность и сердечность. Он умел не просто находить красоту, но и учить этому других, передавая свой опыт, свои восхитительные открытия, отмечать старательность и усердие в других, горячо поощряя их фантазии, воспламеняя в них огонь. Корсо проникся особой симпатией к русскому мальчику. Его поразили в самое сердце его настороженный взгляд, неумение улыбаться, как улыбаются дети в его возрасте, его сдержанность и замкнутость. Не может ребенок быть таким серьезным! И неважно, что он – сын дипломата. Детство никто не отменял. Он все равно должен шалить и проказничать, фантазировать и ставить эксперименты, ошибаться и набивать шишки. Он ведь мир познает...

Коле первому разрешили самостоятельно проявлять свои дебютные фотографии на тему лондонских улочек, учитель лишь наблюдал. Он взял в руки один из снимков, долго крутил его в руках. Мальчишка ждал, затаив дыхание. Еще большую нервозность и томление придавал красный свет в лаборатории.

– Проявлено отлично, – наконец сказал Корсо, – но снято...

Коля растерянно моргал ресницами.

– Хотя если вспомнить мои первые работы, – учитель лукаво улыбнулся, – они были гораздо хуже. Мистер Колин, – он так называл ученика, переименовав его имя на английский лад, но не Ник, не Николас, а именно Колин, – давайте сейчас возьмем эту фотографию, пойдём на ту самую улицу, где Вы снимали, и сделаем подробное сравнение. Начнем с того, что мне понравилось. В любом случае, я рад вашим стараниям, дорогой мой. У вас есть талант, поэтому нам с вами придется много трудиться, чтобы достичь чего-то значительного. Запомните, мистер Колин, все достижения человечества – малые и великие – это труд, силы, неустанный поиск. Только гении способны на эврику, но их мало, наверно, для того, чтобы человечество вконец не обленилось. Мы лениться не станем?

Коля улыбнулся впервые, открыто, весело. Так мягко, тепло и на равных с ним не разговаривал никто. У отца не было времени, да и похвалы не дождешься, больше укоров и порицания, иногда он так боялся отцовского недовольства или разочарования, что чувствовал себя загнанным в угол и делал еще больше ошибок. Мама вообще интереса к сыну не проявляла. Здесь, в Лондоне, он особенно чувствовал одиночество. Но теперь у Коли Фертовского появился не просто учитель, а друг.

Николай замолчал, посмотрел на жену: она сидела на песке, обхватив руками колени и положив на них голову. Слушала так внимательно, будто и не дышала, боялась упустить малейшую деталь. Николай подумал о том, что прошлое все больше и больше затягивает его в свои сети, а на поверхность выплывают такие подробности, о которых он, казалось, забыл навсегда.

– Хочешь поплавать? – спросил он, понимая, что ему просто необходимо отвлечься, хотя бы от мыслей.

– Пожалуй, я останусь на берегу, – улыбнулась Надя, – позагораю, хорошо? А ты поплавай, – она поняла, что муж устал от воспоминаний, и так рассказал о слишком многом, если учитывать его скрытный нрав.

Николай пошел к воде. Сегодня океан был удивительно спокойным, полный штиль. Вода казалась гладким зеркалом, по которому скакали солнечные зайчики. Здесь, у берега, ее цвет был нежно-голубым, а там, подальше, он становился изумрудным, как Надины глаза.

Фертовский зашел в океан, сделал рывок, нырнул, долго плыл по самому дну. Затем, выскочив на поверхность, уверенными и быстрыми движениями поплыл, рассекая зелено-голубую гладь.

Надя задумчиво смотрела на плывущего мужа и думала о Корсо. Она пыталась представить его себе. На самом деле, не редкость, что в детстве твое мировоззрение формируют не только родители, но и совсем чужие люди, что в данном случае вообще оказалось счастливым случаем. Надя ничего не знала о матери Николая, только то, что его родители развелись много лет назад, и сына без проблем отсудил отец, но зато уже успела увидеть весь набор негативных черт характера своего свекра. Можно без труда себе представить, как он третировал сына, давил на него, требовал, вряд ли осознавая, что воспитание – это не только кнут.

– Я постараюсь сделать все, чтобы Николай был счастлив, – вслух пообещала себе Надя.

Домой вернулись после полудня, решили, что не помешает переждать самую активную жару в их домике, включив кондиционер. Надя горела нетерпением еще послушать о мистере Корсо, о том, как он открывал перед Коленькой все тайны ремесла не только фотографа, но и художника, о чем они беседовали, мечтали, как развивалась их дружба, привязанность. Обладая неумной фантазией, Надежда представляла себе их в студии, совместные прогулки, выбор места съемок. Наверняка, мистер Корсо не только учил Коленку тому, зачем сюда ходили ученики, но и многому другому. В нем ощущались качества, который мог привить добрый, мягкий, отзывчивый человек, равнодушный к чужой боли, способный пожалеть и утешить...

Николай вышел из душа с замотанным на бедрах полотенцем, Надя сидела за столом и, наверно, уже в сотый раз рассматривала папку с рисунками. Эти нехитрые наброски раскрывали перед ней не просто одно из дарований ее мужа, а нечто большее. Она поражалась сложностью и многогранностью его натуры, имела возможность видеть эти грани, открывая их постепенно, не сразу.

– Не думал, что тебе так понравится мое художество, – проходя мимо, заметил Николай. Расчесывая влажные кудри, он наблюдал за женой. Она покусывала нижнюю губу, о чем-то напряженно думала и по-прежнему перебирала его рисунки.

– Очень нравится, – медленно произнесла она, потом подняла глаза, сделала движение плечами, словно встрепенулась. – Ты напрасно не стал этим заниматься профессионально.

– У меня были свои причины, – вздохнул Фертовский, подошел к жене, поцеловал ее в макушку, – я знаю, как тебе не терпится услышать еще что-нибудь о мистере Корсо.

– Неужели это написано на моем лице? – удивилась Надя.

– Просто я хорошо тебя знаю, – скрыл улыбку Николай, – обещаю, что удовлетворю твое любопытство, но позже, хорошо? Сейчас меня так клонит в сон, что я вот-вот свалюсь.

Надя кивнула. В следующий момент услышала телефонный звонок – о ней беспокоилась сестра. Чтобы не мешать мужу, Надежда ушла разговаривать на балкон, когда вернулась – Николай уже спал.

Наде спать не хотелось, она взяла в руки книгу, устроилась в кресле и погрузилась в чтение.

Прошло несколько часов. За это время Надежда успела, и почитать, и чаю попить, и на балконе постояла, наслаждаясь видом океана. По дороге мимо их домика проходил владелец *La Petit Villiage*, он помахал Наде рукой, спросил: довольны ли они с мужем обслуживанием? Услышав, что все просто чудесно, радостно кивнул и направился по аллее вглубь сада. Надя вернулась в комнату, Николай еще спал. Потоптавшись на пороге, она все-таки прошла к кровати, но так, чтобы ничем не нарушить тишину. Села на самый краешек. Вдруг вспомнила, как Виктория весело, ничуть не смущаясь, призналась, что любит разглядывать обнаженных красивых мужчин, это доставляет ей эстетическое удовольствие. «Любимого мужчину» – поправила тогда Надя. Виктория усмехнулась, но спорить не стала. Любимого...

Надя повернулась к мужу и стала внимательно рассматривать его. Он лежал на боку, обмотав бедра простынею лишь спереди. Кожа спины была гладкой и смуглой, он, пребывая на островах, быстро загорел, буквально в течение нескольких дней. Линии спины правильным треугольником сужались к тонкой талии, чуть ниже поясницы по обеим сторонам симметрично располагались две небольшие впадины-ямочки, в одной из них притаилась родинка. Ягодицы были упругими и молочно-белыми, что особенно их выделяло на фоне загорелого тела. Они аппетитно выдавались вперед, совсем как у детей, и Надежде это безумно нравилось.

Ее взгляд скользнул дальше. Он, словно почувствовав, что его так откровенно и восхищенно рассматривают, перевернулся на спину, тем самым дал возможность Надежде продолжить ее зрительно-анатомические изыскания. Николай вытянул безупречно длинные мускулистые ноги, в меру покрытые темной мягкой растительностью. Ступни были аккуратными, четко пропорциональными длине ног, как и пальцы – ровные, без шишек, мозолей, такие мягкие подушечки. Кожа на щиколотках тонкая, заметны вены.

Он глубоко вздохнул, но не проснулся, лишь положил ногу на ногу. Предпочитал эту королевскую позу всем остальным, полностью расслабляясь и испытывая комфорт. Наде почему-то особенно нравилась такая асимметрия положения красивых ног мужа. Она едва сдержала себя, чтобы не прикоснуться к его ступням, погладить каждый пальчик, приласкать. Остановила лишь боязнь его разбудить. Пусть отдыхает.

Надежда бесшумно передвинулась к его лицу. Уши наполовину закрывали темные кудри волос, мочки розовые, покрыты мягким «персиковым» пухом, кажется, одна мочка была когда-то проколота. Вот это да! Еще одно проявление индивидуальности? Или протест? Наверное, он что-то хотел доказать? Вот только кому? Надя подумала об отце Николая. В первый момент, когда его увидела, поразились их внешнему сходству: едва ли не копия, только разница в возрасте. Но это в первый момент. Фертовский-младший был совсем другим, и – слава Богу! Надя улыбнулась и продолжила любоваться мужем.

На щеках пробивалась щетина, она у него росла быстро, неровно покрывая мягко раздвоенный подбородок – признак породы. Нос крупный и прямой, ноздри вырезаны изящно правильно. Веки были плотно сомкнуты, густые недлинные ресницы собрались острыми лучиками. Глаза...

Жаль, что сейчас они были закрыты, но Надя столько раз замечала, как смотрит ее супруг, что помнила каждый момент. Он удивительным образом мог выразить только одним взглядом все, что чувствовал: тревогу, печаль, смущение, нежность, ласку и, конечно, любовь. Вероятно, такая богатая палитра взглядов компенсировала его внешнюю сдержанность в проявлении эмоций.

Надя еще раз провела глазами по его фигуре. Он был весь такой складный, ухоженный, приятный буквально на ощупь, даже на вкус, она и не думала, что может испытывать такое непреодолимое желание познавать мужчину, с удовольствием прикасаться к нему, смотреть на него. Надя и сама поразились откровенности своих желаний. С ним она словно перешла некий барьер зажатости, стеснительности, неумения выразить свои чувства, не позволяющий

раскрыть себя. С Николаем она ощутила свою силу, она уверилась в себе, как в женщине, она успешно училась любить...

Надя наклонилась над мужем и почувствовала запах его кожи. Да, ей еще очень нравился и его запах! Впервые она ощутила его, когда они стали целоваться там, на выставке. Поцелуи познания, вдохновения, наслаждения.

Они стояли под лестницей и, забыв обо всем на свете, целовались. Надя, прервав поцелуй на секунду, перевела дыхание и внимательно посмотрела на своего будущего мужа. Он улыбнулся, показав ряд не очень ровных зубов. Надю когда-то поразила эта не безупречность в нем, поразила и понравилась. Теперь она стала замечать и многое другое. Руки... ей еще нравились его руки. Они крепко обнимали ее, ласкали и позволяли себе нечто большее, чем можно было бы позволить в подобной ситуации. Эта смелость рук уверенного в своей неотразимости мужчины почему-то Надю не раздражала. На мгновение она подумала, что не позволила бы ни одному представителю сильной половины человечества подобные вольности в первое же свидание. По сути дела, несмотря на то, что она знала Фертовского и раньше, сейчас это было их первое свидание. И вместе с тем, ей казалось, что они так давно и долго находились в поиске, что, встретившись и поняв: их поиск увенчан успехом, они с радостным узнаванием бросились в объятия друг друга.

– Все-таки, тогда, в Беляниново, ты ответила на мой поцелуй, – тихо сказал Николай.

– Да, – кивнула Надежда, – и мне понравилось. Я потом все время вспоминала о твоём поцелуе, даже когда злилась. Ничего не могла с собой поделать. Это было наваждение, которое не только не проходит, но и усиливается.

– Наденька, любимая! – Фертовский хотел ее обнять, но зазвонил телефон. Виновника торжества искал Никита, гости волновались. Пока Николай разговаривал, Надя вдруг почувствовала такой озноб, что буквально задрожала, даже зубы стали отбивать дробь, – под лестницей было холодно. Николай перевел взгляд и мгновенно понял, в чем дело. Он снял пиджак и накинул ей на плечи. Она, благодарная, закуталась, прижав нос к теплой ткани. От пиджака пахло мужчиной, ее мужчиной. И ей стало хорошо и спокойно.

– И долго ты собираешься наблюдать за мной? – неожиданно спросил он, не открывая глаз. Оказывается, уже не спал. – Еще никто так скрупулезно и досконально меня не исследовал.

Она покраснела, хихикнула.

– Откуда ты знаешь? У тебя глаза все время были закрыты.

– Тебя я чувствую даже во сне.

– Но я же не виновата, что люблю смотреть на твое лицо, – попыталась выкрутиться она.

– Только лицо? – он приоткрыл один глаз, затем второй, – по-моему, ты изучала меня всего и не без удовольствия, да?

– Дело в том, что я очень любознательна, а ты слишком самоуверен.

– Самоуверен? Ну, если только чуть-чуть, – он прикоснулся к ее руке, погладил, затем поднес к своим губам, стал медленно целовать. – А вот насчет любознательности я тебе не уступаю. Ложись, теперь моя очередь проводить изыскания.

– Может, не надо? – неуверенно спросила она. Представила себе, как он станет также добросовестно исследовать и ее.

– Надо, надо, – сказал он с самым серьезным видом и потянул ее к себе, – я люблю твое тело и хочу в очередной раз видеть его. Доставь мне такое наслаждение, пожалуйста!

Еще ни один мужчина не говорил ей подобных слов! Еще никто не восторгался ее далеко небезупречными формами. Надя всегда помнила о своих недостатках, забыть о них никак не удавалось. И поэтому казалось невероятным, что Николай их не видит, не просто не замечает, а не видит. Странно и непостижимо, если учесть, что вокруг него всегда было множество кра-

сивых, роскошных женщин, наверняка и он многим нравился. Как-то Надя сказал об этом мужу, он улыбнулся: похоже, ревновала. Он посмотрел на нее своими бархатными глазами. Они уже давно перестали казаться Наде холодными, в них было столько тепла и нежности, что она только удивлялась, почему этого не замечала раньше?

– Все о чем, я мечтаю – быть любимым тобой. Я обрел себя, нашел смысл своего существования. Неужели ты думаешь, я откажусь от всего этого? Я останусь один лишь только в одном случае – если ты решишь меня оставить, если ты меня разлюбишь.

– Разлюбить? Оставить? – искренне удивилась Надежда. – Это было бы полным безумием. А у меня всегда был вроде бы здравый рассудок.

– Я не сомневаюсь.

Повинуясь мужу, Надя легла на спину, а он склонился над ней, обнаженный, мускулистый, подобен прекрасному греческому богу...

Его возлюбленная лежала на ложе из мягких трав и благоухающих цветов. Она смотрела на своего бога сквозь длинные ресницы глазами цвета моря, щеки полыхали огнем, над влажным бутонем верхней губы красовалась родинка, которую ему всегда хотелось поцеловать.

В длинные волнистые волосы его любимой вплетались лучи солнца, нежные лепестки роз были рассыпаны по ее телу, плавность линий которого усаждала взор. Узость высокой талии подчеркивала женственную полноту бедер. Лепестки роз прикрывали розовые соски груди, что особенно волновало бога, но он не торопился убирать лепестки. Он любовался. Живот ее не был плоским, чуть выступал, как и положено настоящей богине, а кожа отличалась восхитительной мягкостью, хотелось прикоснуться к ней кончиками пальцев, провести по тоненькой дорожке волосков, ведущей к заветному треугольнику...

Богиня перевернулась, предоставив богу наслаждаться белизной и пухлой нежностью своих ягодич. Он почувствовал, как в нем нарастает напряжение, и желание его усилилось. Бог откинул шелк ее волос и губами прикоснулся к шее, вызвав трепет в каждой частичке ее тела, в самых затаенных уголках. Ветер взволнованно теребил струны ее души, цветы с ложа что-то нашептывали, в них еще искрилась роса, рассыпанная крошечными алмазами, она дразнила бога. Дразнила и вся дрожала от предвкушения – повелитель души и тела вел ее на вершину блаженства...

Глава 14

Два раза в неделю шофер отца отвозил Колю в фотостудию. Забирал ровно в назначенный час, отец любил пунктуальность, она способствовала порядку, обеспечивая безопасность, помогала избежать ошибок и просчетов. Фертовский-старший решительно шел по жизни, знал ответ на любой вопрос, выдавая все свои убеждения как истину в последней инстанции. Его раздражала спонтанность, необходимость отступать от намеченного, расхлябанность и отсутствие дисциплины.

Но в тот вечер машина, в которой шофер привозил Колю, в назначенный час домой не вернулась. Фертовский, как ни странно, обнаружил это не сразу – просто смутное, неосознанное беспокойство, но поскольку он был занят чрезвычайно важным делом – готовил завтрашний доклад, то промелькнувшее беспокойство растворилось в бумагах и многочисленных записях. Жена сначала разговаривала по телефону, потом встретила гостью, которая полностью завладела ее вниманием. За весь вечер супруги не сказали друг другу ни слова. Каждый из них жил в своем, отдельном мире.

Тем временем Коля ждал шофера. Сегодня занятие было необычным, обсуждали снимки с природной стихией – ливень, зигзагообразная молния. Учитель подобрал целую серию фотографий на эту тему и очень подробно говорил о каждом. Словно по желанию за окном вскоре пошел дождь. Весь день было облачно, но тучи, подгоняемые порывистым ветром, собра-

лись лишь к вечеру, крупные капли самоотверженно кидались на землю, разбивались там об асфальт, оставляя после себя мокрые пятна. Некоторым нравится дождь, они находят в нем успокоение, возможность помечтать, пребывая во влажной меланхолии, не тревожимой насущными проблемами. Корсо нравился дождь своими размытыми красками, которые смешиваясь друг с другом, сами придумывали сюжеты и словно показывали иную картину мира.

А дождь тем временем все больше набирал силу, где-то агрессивно громыхал гром, воздух совсем потерял прозрачность. От ливня и испарений он стал белой стеной, практически парализовав движение на улицах. Корсо приоткрыл окно, дав ливню явнее обнаружить свое присутствие – дохнуло влажностью, усилился стук по подоконнику.

Всецело увлеченный занятиями, Коля совсем забыл о времени, когда сам учитель, мельком глянув на часы, заметил, что скоро за мальчиком приедут. Коля собрал свой рюкзачок, сел на краешек стула и принялся терпеливо ждать. Каждый раз он с сожалением покидал дом учителя, здесь было уютно, мягкий свет напольной лампы, потрескивающий камин, который мистер Корсо часто зажигал в сырые лондонские вечера, и даже когда было тепло. Он мерз в Англии, нередко вспоминая о своей солнечной Италии. Коля украдкой рассматривал разные безделушки и фигурки на полках, учителю их дарили ученики и друзья, и конечно, в студии было великое множество фотографий – на стенах, на столах, в рамках, даже на полу, сложенные в папки и альбомы. И еще книги. Они стояли в большом шкафу, почти все мировая классика. Некоторые корешки книг были потрепаны временем и использованием, другие высокомерно блестели золотым тиснением. Тяжелые фолианты находились в самом низу – чтобы было легче снимать с полок.

Коля любил в этом доме каждую мелочь, каждый штрих. Здесь всегда был беспорядок, который так раздражал бы отца, смешение стилей и красок, который он посчитал бы моветоном, но именно здесь жила сама доброта, забота, участие, внимание, да и просто хороший человек.

Мальчик сидел на стуле, смотрел на резные стрелки настенных часов и ждал. Когда стрелки переползли назначенное время и пробежали еще пару кругов, Коля бросил взгляд на свои часы: так и есть, шофер опаздывал.

– Может быть, позвонить вам домой? – учитель тоже смотрел на часы.

– Нет-нет, – решительно отказался мальчик. Он с волнением следил за стрелками и с тайным трепетом надеялся, что Бен сегодня вообще не приедет. И тогда можно будет остаться у учителя на всю ночь, а утром учитель вполне сможет проводить его в школу. Вот было бы здорово! – Бен просто немного задерживается. Наверное, из-за ливня. Звонить домой не надо, – он сделал паузу, – отец будет сердиться, Бену попадет. Надо подождать.

– Ну, хорошо, – согласился учитель, – подождем Бена. Наверняка, он вот-вот подъедет.

Прошло еще пять минут, Коля, как замороженный, смотрел на часы: впервые время было с ним солидарно, у него словно появилось чувство сострадания к мальчику, оно безвозмездно дарило мальчику секунды, потом минуты, обещало что-то необыкновенное, волнуя сердце. Каждый раз ему так не хотелось отсюда уезжать, каждый раз в душе он придумывал предлоги, даже самые нелепые, которые позволили ли бы ему остаться, но он твердо знал, что его не станут слушать. Но сегодня случилось чудо: Бен не приехал. Коля посмотрел на одну из фотографий на стене, там, внизу, стояла дата. «Если в сумме получится четное число, – подумал он, – то Бен вообще не приедет». И стал считать. Число оказалось четным...

– Мистер Колин, вы любите тайны? – неожиданно спросил учитель. – А хранить их умеете? Уверен, что да, – он подмигнул.

– Могу поклясться, сэр! – отчеканил мальчик.

– Хорошо, – одобрил Корсо, – пока ваш шофер добирается сюда, наверное, из-за ливня проблемы на дорогах, мы поднимемся на второй этаж студии, и я вам кое-что покажу.

Ни один из учеников Алессандро Корсо не поднимался на второй этаж по узкой лестнице с потертыми перилами, никто из них и понятия не имел, что там маэстро буквально несколько недель назад впервые за много лет взял в руки кисти и краски. Он так давно не прикасался к холсту, что уже стал опасаться: не разучился ли рисовать? Все это было совсем в другой жизни, нет, даже не в той, итальянской, где жил и работал талантливый фотограф. Это было еще раньше. Когда он вот таким мальчиком, как Колин, стал учиться живописи. Он проникал в сущность этого ремесла, старательно изучая все тонкости, он часами рассматривал репродукции картин признанных художников. Он горел страстью при одной мысли о том, что у него есть теперь возможность хотя бы немного прикоснуться к их тайне. И теперь Корсо опять ощутил эту страсть. Он не говорил об этом ни с кем, но сегодня, наконец, захотелось поделиться с самым своим любимым учеником, кроме всего, этот мальчик умел чувствовать, как никто другой, у него было трепетная душа ребенка и грусть взрослого человека.

– Смотрите, – Корсо откинул кусок ткани, и взору Коли предстала картина: за стеклом витрины магазина находилось великое множество глиняных игрушек, у каждой свой характер, образ, они словно на миг замерли каждая в своем движении, кто-то даже в танце. Но самым удивительным было не это – в отражении стекла угадывалось отражение девушки. Она с интересом рассматривала фигурки игрушек, а ветер трепал ее белокурые волнистые локоны. Все это было так красиво и так просто, что дух захватывало, картина просто дышала настроением, какой-то особой лиричностью, к тому же она была по-настоящему объемной.

– Нравится? – спросил учитель, он стоял у мальчика за спиной.

– Очень, – выдохнул Коля.

– В таком случае, мой юный друг, следующее занятие посвятим живописи? Расскажу много интересного. Надеюсь, вы не против?

Это был самый замечательный вечер в его жизни. Бен так и не приехал, ливень уступил место простому лондонскому дождю, который ритмично стучал по карнизам, а затем и вовсе прекратился. Учитель и ученик сидели возле камина, пили чай со сладким печеньем и чувствовали себя самыми счастливыми на свете. Им казалось, что время остановилось, здесь и сейчас: оно грелось в танцующих языках пламени, отражалось в рамках фотографий, что висели на стенах, пряталось в огромных фолиантах книжного шкафа, весело кипело в свистящем чайнике, а потом паром, похожим на лондонский туман, клубилось над чашкой с тонкой резной ручкой. Юный Коля именно в тот вечер научился видеть и ценить по-настоящему счастливые моменты жизни.

Глава 15

– И что же было потом? – не удержалась от вопроса Надя. Николай вдруг прервал рассказ. Вечером они отправились на прогулку вдоль берега, шли по белому песку. К большой радости жены Николай опять стал вспоминать учителя Корсо. – Ты вернулся домой?

– Домой? – переспросил Фертовский, словно очнулся. – Да, конечно! Самое грустное, что дома меня так и не хватились: отец думал – Бен, как обычно, привез меня, я в своей комнате. Представляешь его удивление, когда позвонили и сообщили, что его шофер попал в аварию и сейчас в реанимации, а через несколько минут появляюсь я! Живой и невредимый, в сопровождении своего учителя. От потрясения отец даже сказал ему «спасибо!». Вот уже чего тяжело дожидаться. Более того, разрешил дополнительное занятие, чему я был бесконечно рад. И началась совсем другая жизнь, – улыбнулся Николай.

– И ты стал учиться живописи? Но ведь ты не забросил фотографию, – уточнила Надя.

– Нет, конечно. Мы связали эти два ремесла, которые, кстати, имеют много общего. Поскольку появился еще один дополнительный урок, мы ездили по городу и его окрестностям, изучали архитектуру, ландшафт. Мой самый удачный, на взгляд Корсо, был снимок Биг-

Бена. Он являлся черно-белым, маэстро почему-то любил фотографию без красок, а живопись, наоборот, яркую, сочную.

– А снимок с Биг-Беном сохранился? – с волнением спросила Надя, так захотелось его увидеть. Это ведь первая гениальная работа ее супруга.

– Увы, у меня его нет. Снимок остался у учителя, на память обо мне, как и первые мои рисунки. Отец о них ничего не знал – это был наш секрет. Правда, рисовал я немного, все-таки способностей к фотографии было больше, но одно универсально помогало другому. Я научился видеть и воспроизводить объем, глубину, меня увлекала комбинаторность, переходы света, под руководством учителя я овладел настоящим фотонализом. Это была сенсация, открытие мира в себе. Но самое важное: я приобрел друга – мудрого, внимательного, заботливого. Алессандро дал мне очень многое.

– И сколько же ты был его учеником?

– Все время, пока семья жила в Лондоне. Отец, видя мои работы, наконец, одобрил когда-то навязанный матерью выбор, всего лишь отдающей дань моде. Спустя три года после начала моих занятий Владимир Фертовский подарил мне настоящую цифровую фотокамеру «Маверик». Они тогда только-только стали появляться в мире, стоили баснословных денег, но отец скупиться не стал, за что я ему благодарен до сих пор.

– А потом? Что было потом?

– За год до возвращения моей семьи в Союз, мне тогда было 16 лет, учитель серьезно заболел. Перед этим он взялся делать для одного очень солидного издания серию снимков. Это был серьезный заказ, заключили договор с весьма жесткими сроками.

В один из дней Корсо почувствовал слабость, поднялась температура, в груди что-то сжимало, появился сухой кашель. Сначала легкое покашливание, продолжающееся несколько дней, затем дышать стало труднее, особенно по ночам. Корсо приспособился засыпать в кресле, так ничего не сдавливало грудную клетку. Лицо его приобрело нездоровый землистый оттенок, обозначились круги под глазами, голос осип. Корсо уверял Колю, что это простуда, она пройдет. Но категорически запретил приходить на занятия во время его болезни, не хватало еще и заразить мальчика! Нет, уже юношу. Он рос на его глазах, вытягивался в росте, расширялся в плечах, волосы темнели, черты лица теряли мальчуковость, красота становилась мужественной. А как личность? Этот ребенок всегда был умным, интеллигентным, по-мужски сдержанным, а главное, с добрым и чутким сердцем.

Несмотря на запрет, Коля пришел к учителю буквально на следующий день после того, как тот совсем слег, и нашел его в плачевном состоянии. Здоровье его явно ухудшалось, и это была отнюдь не простуда. Двусторонняя пневмония – такой диагноз поставили врачи. Лицо врача было угрюмым, и впервые в жизни Коле стало страшно. Он никогда не задумывался о том, что в одночасье можно потерять того, кто тебе по-настоящему дорог.

Учитель болел долго, пневмония была запущенной, антибиотики помогли не сразу. Не обращая внимания на возмущения, Коля ходил к учителю каждый день, благо уже стал более взрослым и самостоятельным, и не отчитывался перед отцом так строго, как раньше. Неожиданно позвонили из издательства и напомнили о договоре на серию фотографий, оставалась неделя до срока сдачи. Корсо заметно расстроился. Этот заказ был честью его профессиональной деятельности, его репутацией. Но не было и речи о том, чтобы покинуть больницу и отправиться делать фотографии, врач замахал руками и даже разговаривать не стал. Корсо, несмотря на лечение, все еще тяжело дышал, долго и мучительно кашлял. Он сидел на солнце в маленьком дворике больницы и грустно смотрел на удаляющуюся фигуру своего ученика. Коля, пока ехал домой, дал себе обещание: фотографии будут готовы к сроку.

– И ты сдержал данное обещание? – спросила Надя. Муж, рассказывая, временами делал такие длинные паузы, что, сгорая от нетерпения услышать все, она подталкивала его своими вопросами.

– Конечно, – отозвался он, – я всегда сдерживаю свои обещания. Надеюсь, ты это неставишь под сомнение? – в его голосе прозвучал металл. К тому же он вдруг отпустил ее руку и отвернулся. Надя смутилась, в супруге все-таки иногда чувствовался тот Фертовский, которого она видела в Беляниново: надменный, резкий, сухой. Он словно замыкался, уходил в себя. Пожалуй, правы те, кто утверждает, что характер человека вряд ли меняется за всю жизнь. Натура в каждом из нас прочно укореняется, аккумулируя в себе и гены, и условия существования, и воспитание, и накопленный опыт.

– Кажется, я не дала тебе повода думать, что я в чем-то сомневаюсь, – тихо сказала Надя. Она подумала о том, что влюбленный человек еще более раним. Присела на корточки и стала пересыпать песок из ладони в ладонь.

– Наденька, кажется, я тебя обидел, – сказал Фертовский, он заметил, как изменилось выражение ее лица. Упустил из виду, что Надя – натура чувствительная, у нее в жизни хватило душевных ран и переживаний. Она выпрямилась, подняла глаза.

– Мы все больше узнаём друг друга, привыкаем, открываем не только свои сердца, а свое прошлое, в котором у нас было то, о чем вспоминать не только хорошо и приятно, но и напротив – забыть бы навек. У нас обоих непростые характеры, и наступит день, когда пыльные чувства исчезнут – ты знаешь это лучше меня, притупится острота эмоций. На смену всему этому должно прийти то, что мы закладываем именно сейчас, то, что мы возвращаем именно в период, когда сила любви еще в апогее. Мы с тобой строим мир для двоих, в котором должны прожить долго-долго, который должен выдержать бури не только внешние, но и внутренние. Пусть в нем не будет разрушительного града упреков, обид, сомнений, недоразумений и непонимания. Я рядом с тобой, чтобы быть твоей женой, опорой, поддержкой, заботой и утешением.

Николай притянул ее к себе.

– Прости, – прошептал он, – я старше тебя, но ты гораздо мудрее.

Глава 16

Всю обратную дорогу шли, молча, словно боялись нарушить ту блаженную тишину и умиротворение, которые возникли после объяснения. Надя все больше убеждалась в том, что Николай часто нуждается в уединении, он любит размышлять и думать, его внешне кажущаяся мрачность и сдержанность ничуть не влияют на его чувства к ней, объективно не отражая того, что он ощущает на самом деле. Этот человек с добрым, нежным и любящим сердцем.

Когда Николай вышел из душа, супруга уже спала. Она лежала на боку, свернувшись калачиком. Николай поправил одеяло и лег рядом. Надя, не просыпаясь, тут же устроилась у него на животе, обняла за талию. Он улыбнулся.

«Какое же это счастье – любящая женщина!» – Фертовский закрыл глаза, но вместо сна сознание опять уводило его в прошлое. Он уже запустил локомотив воспоминаний, остановки – лишь временное явление. Поезд теперь движется помимо воли.

...Снимки и, правда, всем понравились. Все говорили, что Корсо – гениальный фотограф, а здесь он превзошел самого себя. В издание включили почти всю серию. Ни один человек не догадался, что фотографировал ученик мастера, Коля ни за что бы не признался в своем авторстве – причин было несколько, но главная – он обязан был помочь учителю сохранить его репутацию и неважно, чья стояла подпись под снимками. Удивлению Корсо не было предела, когда он, вернувшись, домой после больницы, стал получать поздравления с успехом своей

новой серии фотографий, лучшей, чем когда-либо. Корсо со слезами на глазах долго рассматривал снимки, затем изрек:

– Я так горжусь тобой, мальчик мой, – этот юноша заслуживал настоящего пиетета как мастер. – Что самое важное для учителя? Чтобы ученик превзошел его, тогда все усилия не напрасны – все, что я сумел вложить в тебя, дало прекрасный результат, я бы сказал, ошеломляющий. Я также рад, чтобы приобщил тебя и к живописи. Вероятно, недалек тот день, когда перед тобой встанет выбор одного из ремесел. Главное, прислушаться к голосу своей души, только она знает истину. Но у тебя талант, мой мальчик, талант настоящий, яркий, ты умеешь видеть и отражать очень многое. Тебя одинаково любит и палитра художника, и камера фотографа. Пусть тебе это помогает в жизни, чтобы ты в итоге не выбрал.

И хотя Коля был против, Корсо публично признался в том, что фотографии делал его ученик, поэтому и слава, и гонорар достаются ему. О шестнадцатилетнем мальчике в тот год написали все газеты. Даже Фертовский-старший расчувствовался и говорил, что всегда видел в сыне талант, и не без участия своей супруги, решил отдать мальчика одному из лучших фотографов города. Коля абсолютно равнодушно относился ко всей этой шумихе вокруг своей персоны и не удивлялся тому, о чем вешали родители, лицемерие всегда присутствовало в их семье. Софья Фертовская, давая интервью, в одночасье стала звездой: молодая красивая женщина да еще мать такого замечательного сына. Для полной картины этого образа не хватало только совместного снимка, где мать и сын вместе, идиллия отношений, пронизанная искренней заботой и любовью. В семейном альбоме не оказалось ни одной подобной фотографии, это удручающее для Софьи обстоятельство не должно было выплыть наружу. И тогда она решила сделать эту недостающую фотографию. Пришла в комнату к Коленьке, элегантная, по-прежнему изысканно пахнущая, походка легкая, улыбка милая, а глаза ... чужие.

– Чем ты занят, милый? – искренне заинтересованно спросила она. Коля захлопнул книгу, которую до этого читал. – Ах, я всегда знала, что ты умный мальчик! – Софья прикоснулась к его волосам, густым, давно нестриженным, просто шапка кудрей. Надо бы отвести его к стилисту, да и приодеть не мешало бы. Ходит в каких-то странных жилетках, на запястьях кожаные браслеты. Что-то в последнее время муж перестал обращать внимание на внешний вид сына.

Коля поднялся со стула, подошел к окну, встал к матери вполупорот, не произнес ни слова. Ну, просто гениальный актер, умеющий держать паузу. Софью всегда раздражала эта его манера. Он словно показывал, что сильнее ее. Особенно, когда стал старше. И по всему видно, что он будет очень красивым, но холодным и бесчувственным мужчиной, превзойдет своего отца. Софья считала, что Николай – дитя только ее мужа, он его воспитывал, наказывал, порицал. Один раз она только вмешалась, настаивая, чтобы мальчишку отдали в фотостудию, и что из этого вышло? Он принес славу всей семье, а значит, Софья Фертовская заслуживает благодарности, да еще какой!

– Мне нужна твоя фотография, – нараспев сказала Софья, – улыбалась обворожительно, на щеках ямочки.

– Не вижу проблемы, – Коля пожал плечами, – их в альбоме предостаточно.

– Ты не понял, – еще мягче произнесла Софья, – мне нужна фотография, где мы с тобой вдвоем в домашней обстановке.

– У нас нет такой фотографии, – сухо заметил он.

– Да, я знаю. Однако завтра к нам придут брать интервью, ты ведь будешь при этом присутствовать? Они как раз сделают пару снимков.

– Завтра? – переспросил он. – Нет, завтра не смогу, – в его глазах Софья заметила странный блеск.

– Почему? Почему ты не сможешь? Чем может быть занят ребенок твоего возраста, чтобы отказать своим родителям в просьбе всего лишь быть дома?

– Родителям?

– Перестань все время переспрашивать! – она начала злиться. – Будь любезен завтра в момент прибытия журналиста находиться дома, ты меня понял?

Не дожидаясь ответа и таким образом, оставляя за собой последнее слово, она вышла из комнаты. Как, оказывается, иногда приятно воспитывать и быть строгой. В этом есть ощущение собственной значимости.

Об этом Софья Фертовская на следующий день собиралась развернуто рассказать в интервью, а также о своих заслугах и каким правильным стал ее выбор увлечения для своего ребенка. Но этот самый ребенок и подложил ей свинью – никем незамеченный, он исчез из дома, причем перед самым прибытием журналиста.

– Все-таки это замечательная идея: выбраться на целый день за город, чтобы писать натуру, – сказал Корсо, – Колин, ты молодец! Наконец мы поэксплуатируем и мой старенький автомобиль. Он так давно не покидал гараж, да и мне прогулка не помешает. Я со своей болезнью основательно засиделся дома. Положишь этюдники в багажник?

Коля кивнул, подхватил два этюдника, покачал головой. Учитель категорически отказался от гонорара за снимки, наделавшие столько шуму, деньги были переведены на счет мальчика. Лучше бы обновили машину, – сказал тогда Коля, на что учитель ответил, что в его возрасте это рискованное мероприятие, он привык к своей «старушке».

– Кажется, в студии звонит телефон? – спросил Корсо, закрывая входную дверь. – Слышишь?

– Нет, не слышу, вам показалось, – солгал Коля. Наверняка, матушка разыскивала его, теперь он стал нужен ей, просто необходим. Для осуществления ее планов. Она всегда добивалась всего, чего хотела, используя всевозможные средства, в том числе и свою настойчивость. В этот раз не вышло. И кто виноват в этом? Ее собственный сын! Когда явится, с ним будет особый разговор.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.